

Омар Хайям

РУБАИ



Поэтический
перевод
Г. Плисецкого

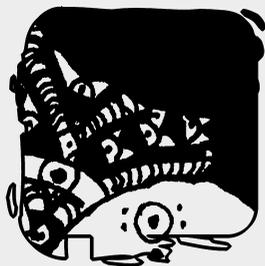
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод
Г. Плисецкого



Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.



В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не пожил и дня.
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!



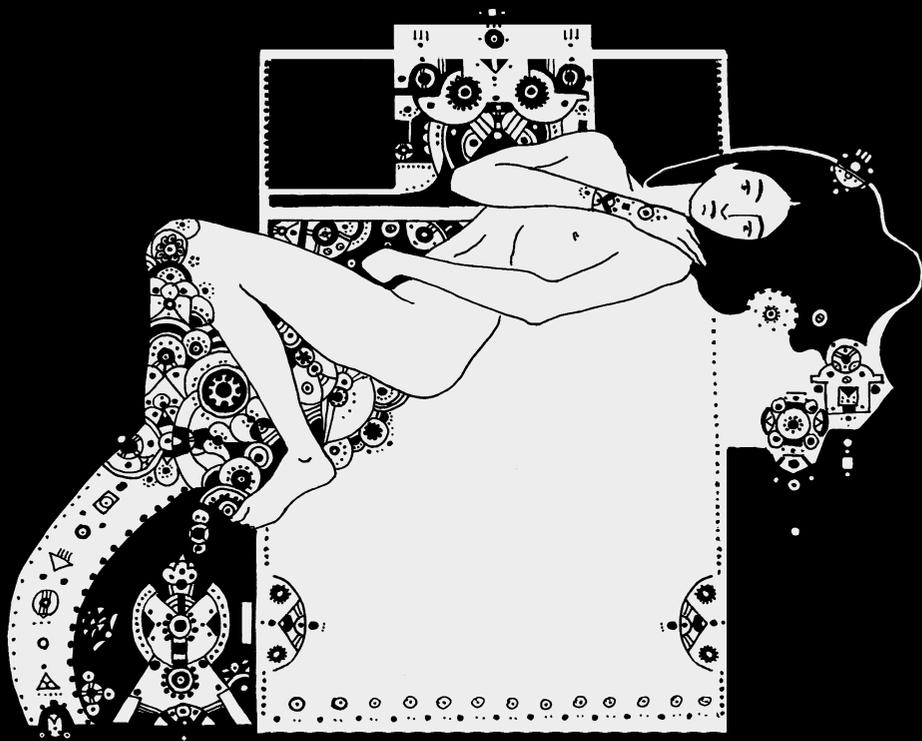
В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.



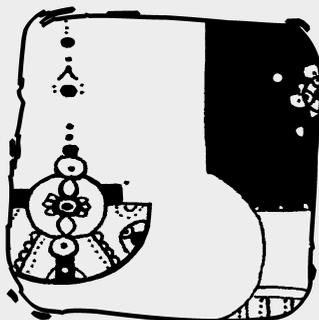
Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянья Бог никогда не дарует.
Ну а если дарует — зачем оно мне?



Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрузи.
Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
А непьющий святоша — хоть камни грызи!

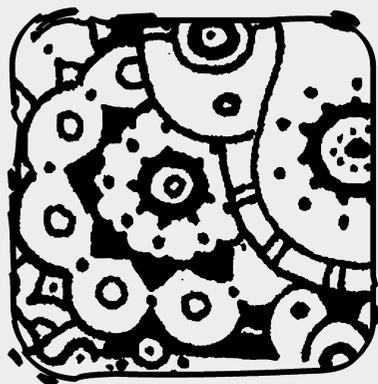


Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай! Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.

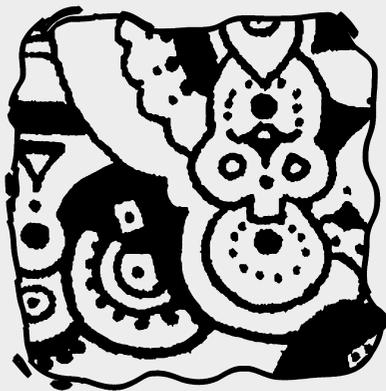


Веселись! Ибо нас не спросили вчера,
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами гршили и пили вчера —
Все за нас небеса предрешили вчера.

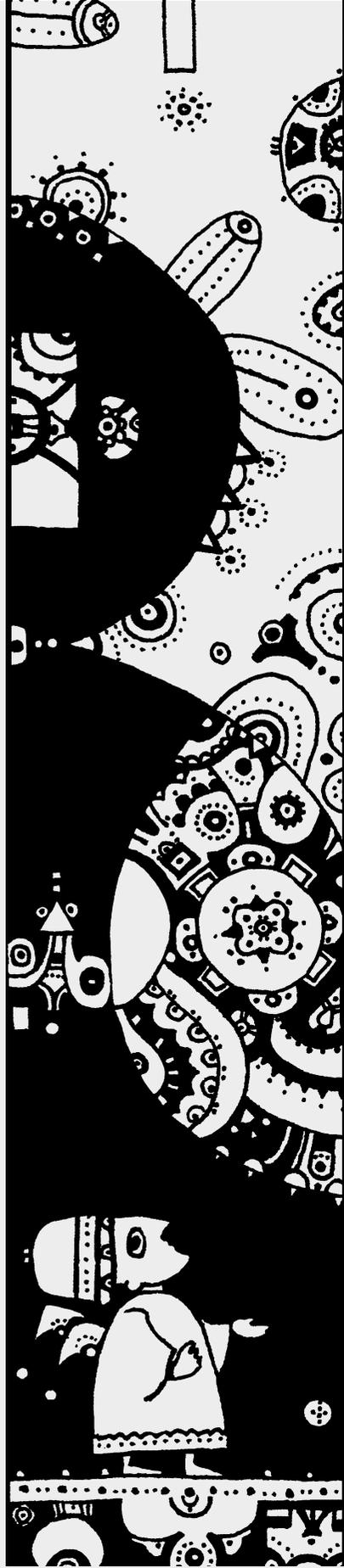
Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто,
Жизнь в разлуке с певучей струною — ничто.
Сколько я ни вникаю в дела под луною:
Наслаждение — все, остальное — ничто!

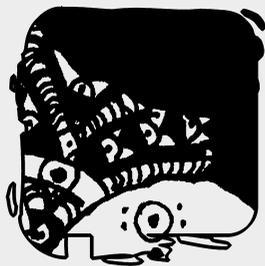


До того как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глотка перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.



Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.





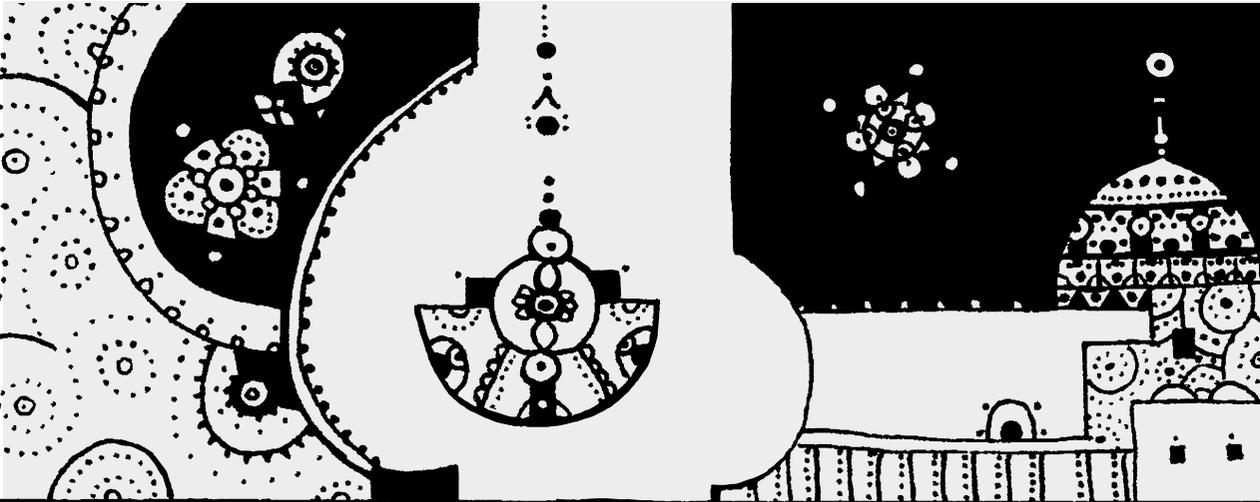
Пей вино, ибо радость телесная — в нем.
Слушай чанг, ибо сладость небесная — в нем.
Поменяй свою вечную скорбь на веселье,
Ибо цель никому не известная — в нем.



От безбожья до Бога — мгновенье одно!
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!



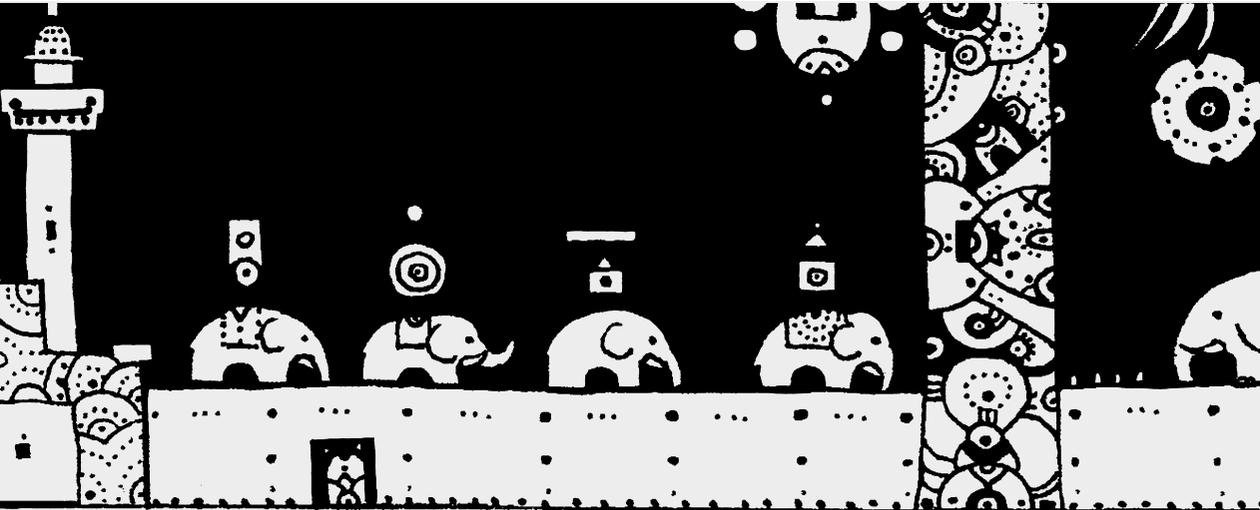
Да пребудет со мною любовь и вино!
Будь что будет: безумье, позор — все равно!
Чему быть суждено — неминуемо будет,
Но не больше того, чему быть суждено.



Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал в погоне за истиной сух и угрюм.
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.



Принесите вина — надоела вода!
Чашу жизни моей наполняют года.
Не к лицу старику притворяться непьющим.
Если нынче не выпью вина — то когда?



Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.



Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

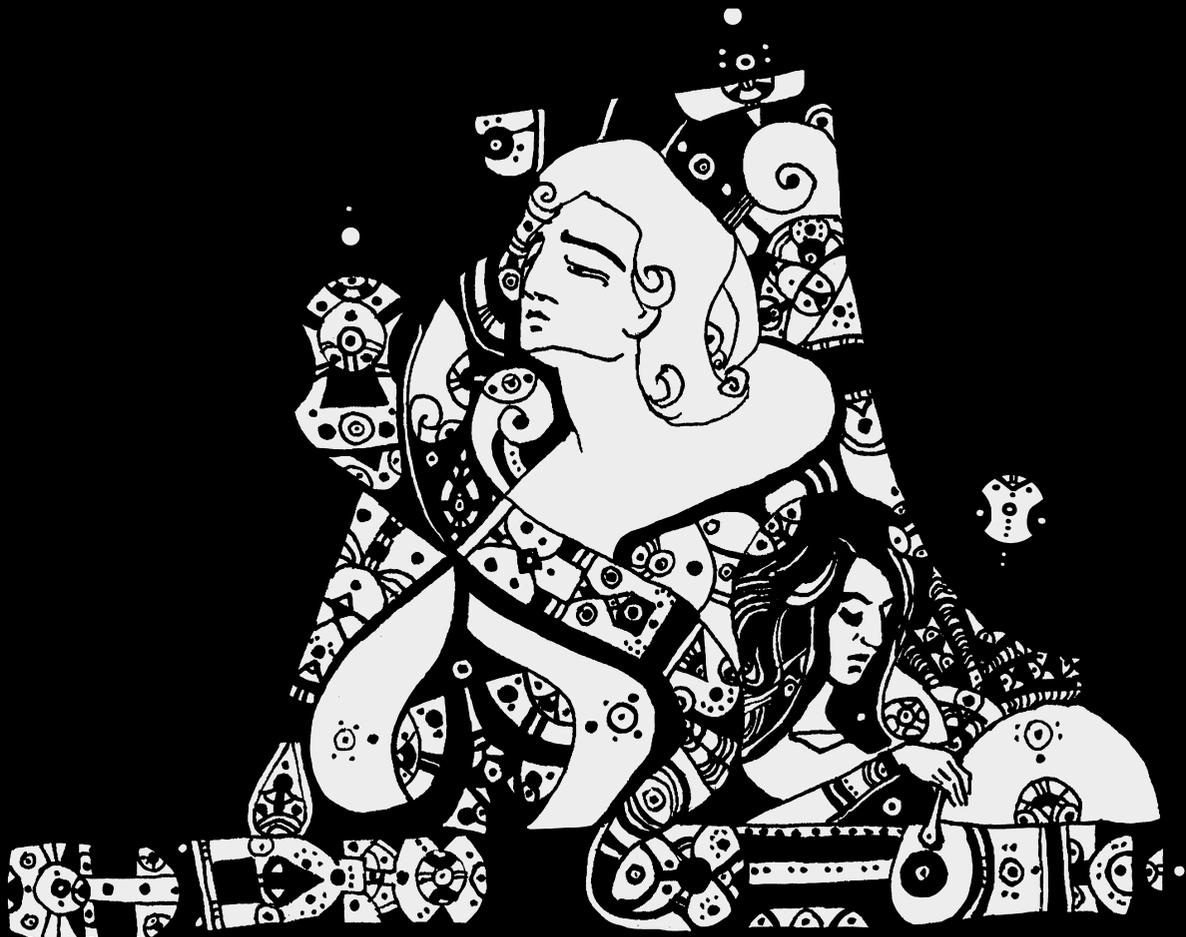


Кто урод, кто красавец — не ведает страсть,
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

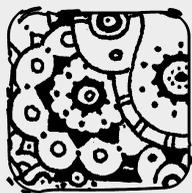


Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна.
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

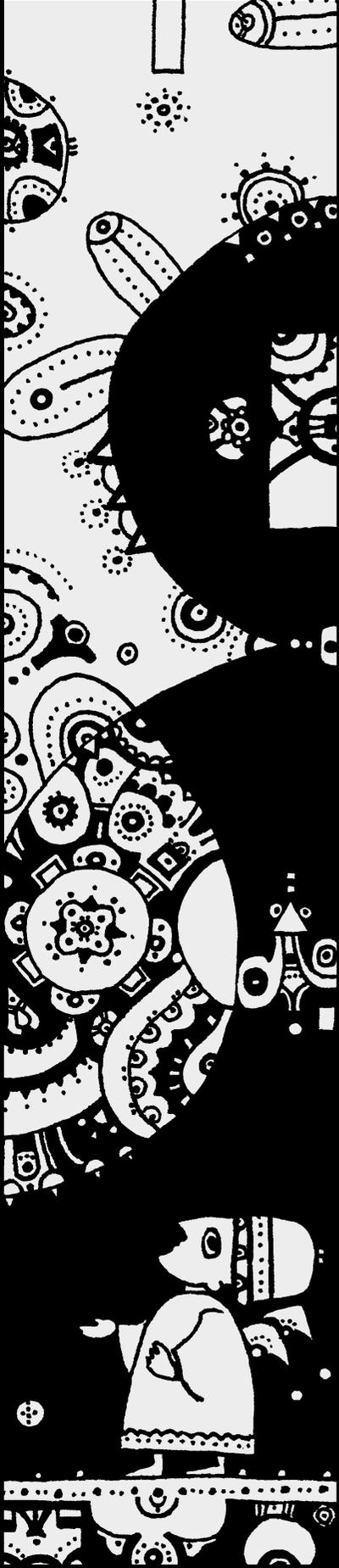
Пей вино, ибо друг человеку оно,
Для усталых — подобно ночлегу оно.
Во всемирном потоке, бушующем в душах,
В мире скорби — подобно ковчегу оно.



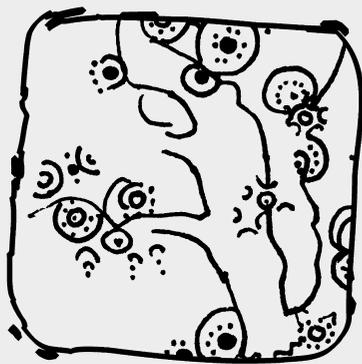
Не молящимся грешником надобно быть —
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть.



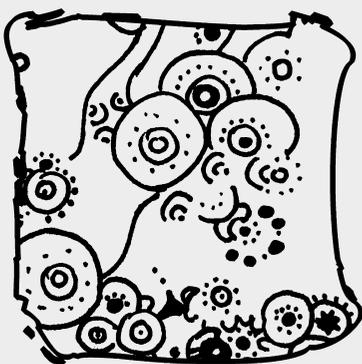
Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят,—
Все на свете понять и изведать хотят.
Выпьют чашу до дна — и лишатся сознания,
И в объятиях смерти без памяти спят.



Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны — то кто бракодел?



Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца:
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.



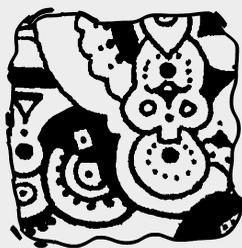
Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?



Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед.



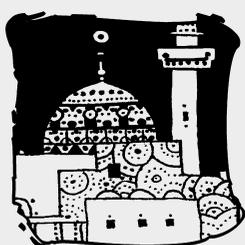
Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину.



Оттого, что не праведен мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай.
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белорудой красавице сердце отдай.

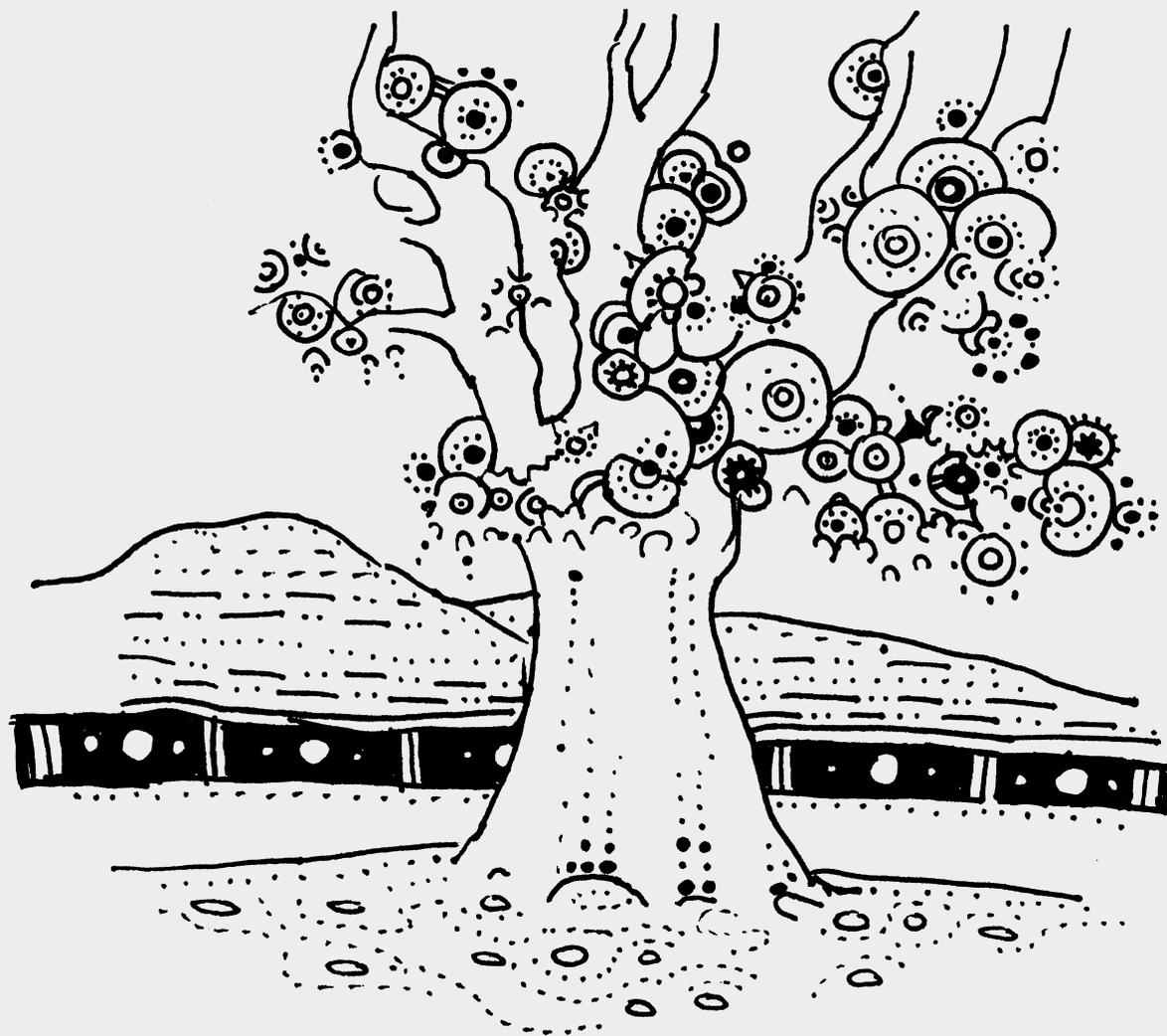


Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь?!»
«Я, — сказала блудница, — и вправду такая,
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»



Бросил пить я. Тоска мою душу сосет.
Всяк дает мне советы, лекарства несет.
Ни одно облегчения мне не приносит —
Только полная чарка Хайяма спасет!

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

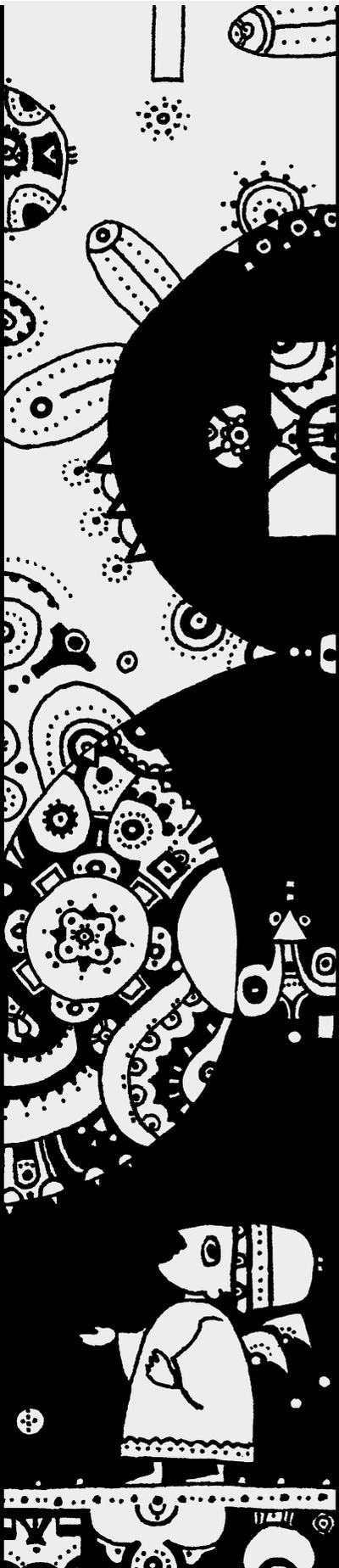


Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

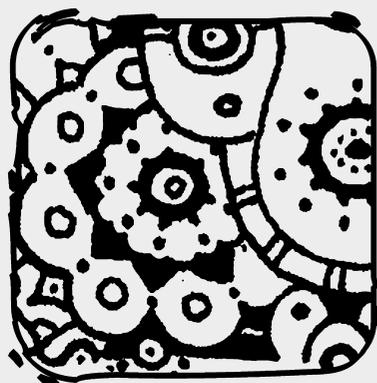


И того, кто умен, и того, кто красив,
Небо в землю упрячет, под корень скосив.
Горе нам! Мы истлеем без пользы, без цели.
Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!



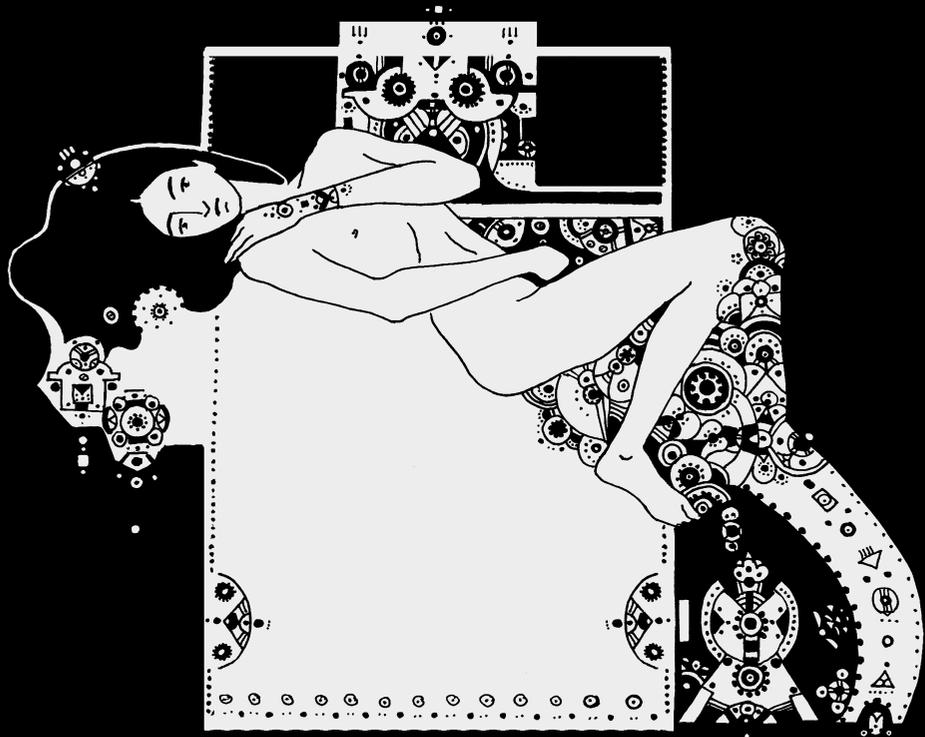
Долго ль спину придется мне гнуть или нет,
Скоро ль мне суждено отдохнуть или нет —
Что об этом вздыхать, если, даже вздыхая,
Я не знаю: успею вздохнуть или нет?



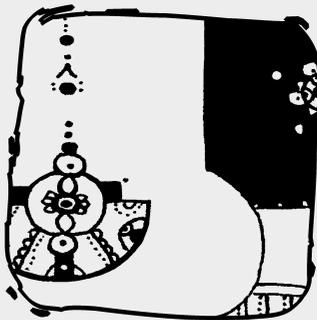
Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»



Я несчастен и мерзок себе, сознаюсь,
Но не хнычу и кары небес не боюсь.
Каждый Божеский день, умирая с похмелья,
Чашу полную требую, а не молюсь!



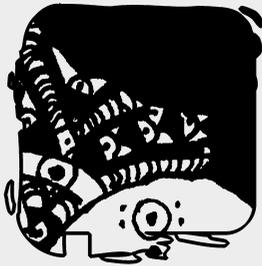
Нищий мнит себя шахом, напившись вина,
Львом лисица становится, если пьяна.
Захмелевшая старость беспечна, как юность.
Опьяневшая юность, как старость, умна.



Много сект насчитал я в исламе. Из всех
Я избрал себе секту любовных утех.
Ты — мой Бог! Подари же мне радости рая.
Слиться с Богом, любовью пылая, — не грех!



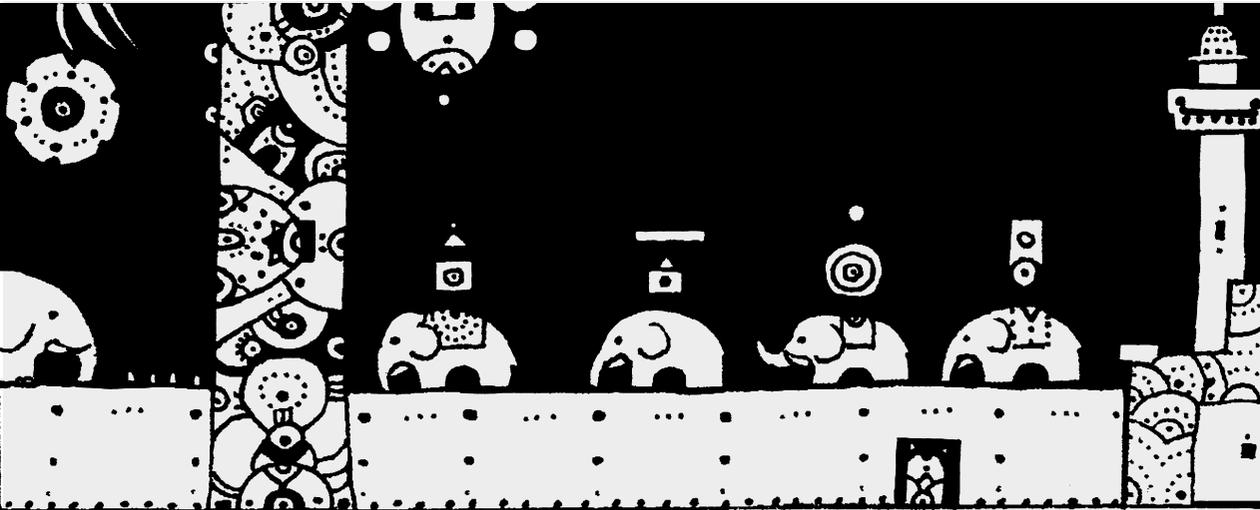
В этом мире ты мудрым сльвешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
До ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?



Если я согрешил — то не сам по себе.
Путь земной совершил я не сам по себе.
Где я был? Кто я был? Жил впотьмах, исполняя
Все, что Он предрешил, а не сам по себе.



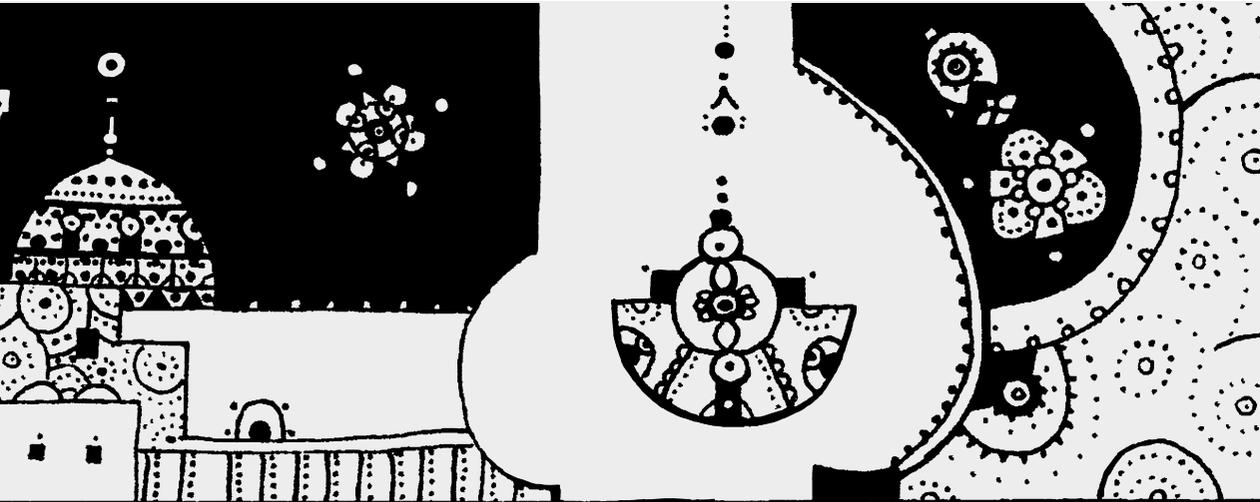
О вино! замени мне любовь и Коран.
О духан! Я — из верных твоих прихожан.
Выпью столько, что каждый идущий навстречу
Сразу спросит: «Откуда бредет этот жбан?»



Мы чалму из тончайшего льна продадим
И корону султана спяна продадим.
Принадлежность святош — драгоценные четки,
Не торгуясь, за чашу вина продадим.



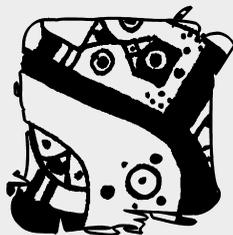
Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Пощелуй любимой — мой хлеб и бальзам.
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.



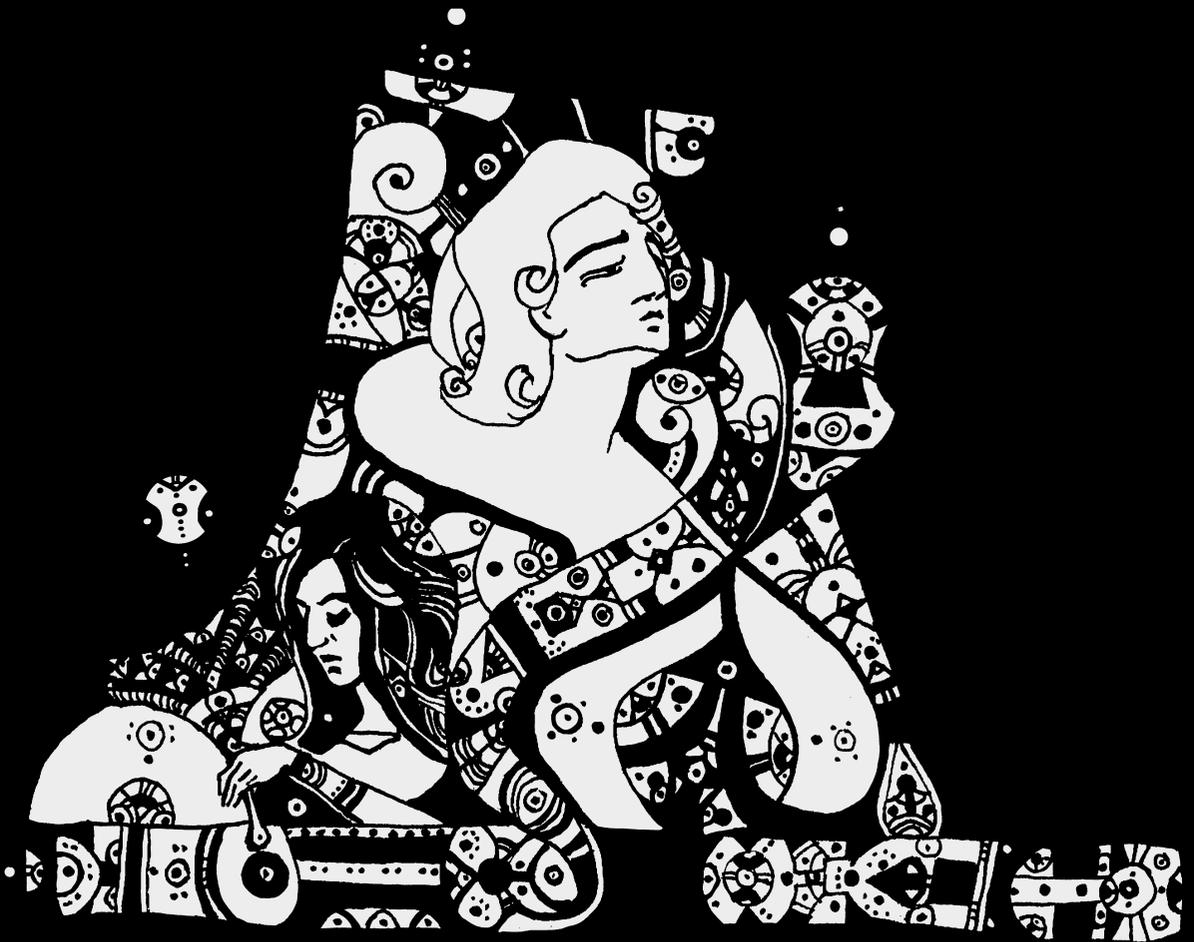
Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивым, смутьяном — воистину так!
Я есть я! И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!



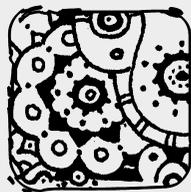
Половина друзей моих погребена.
Всем судьбой уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.



Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал.
Для спасенья души голодал и страдал.
Ставши нищим, богаче богатого стал.



Трудно замыслы Божьи постичь, старина.
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!



Вижу смутную землю — обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблоставших и ставших добычей червей.



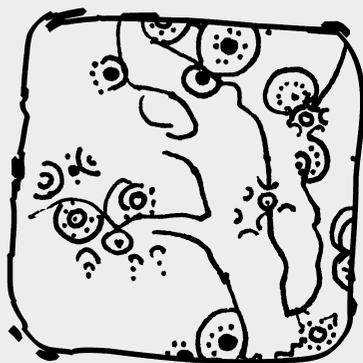
Ты, Всевышний, по-моему, жаден и стар,
Ты наносишь рабу за ударом удар.
Рай — награда безгрешным за их послушанье.
Дал бы что-нибудь мне не в награду, а в дар!

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня Бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед Богом... увы!

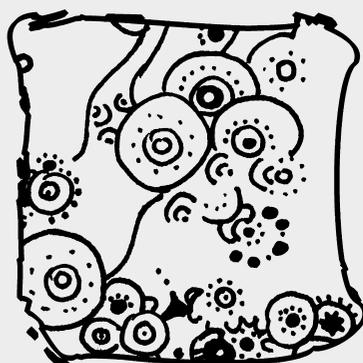


Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным визирем в былые века.
Эта чаша, которую держит рука,—
Грудь умершей красавицы или щека...

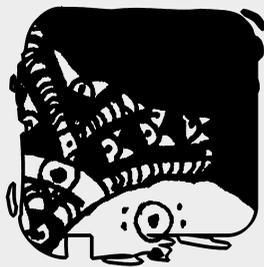


Жизнь — пустыня, по ней мы бредем нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину —
Между тем он давно в небесах предreshен.



Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плачь не плачь — а придется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирасть.





Что сравню во Вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?



Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят,
Разрешит все вопросы сковорода!»

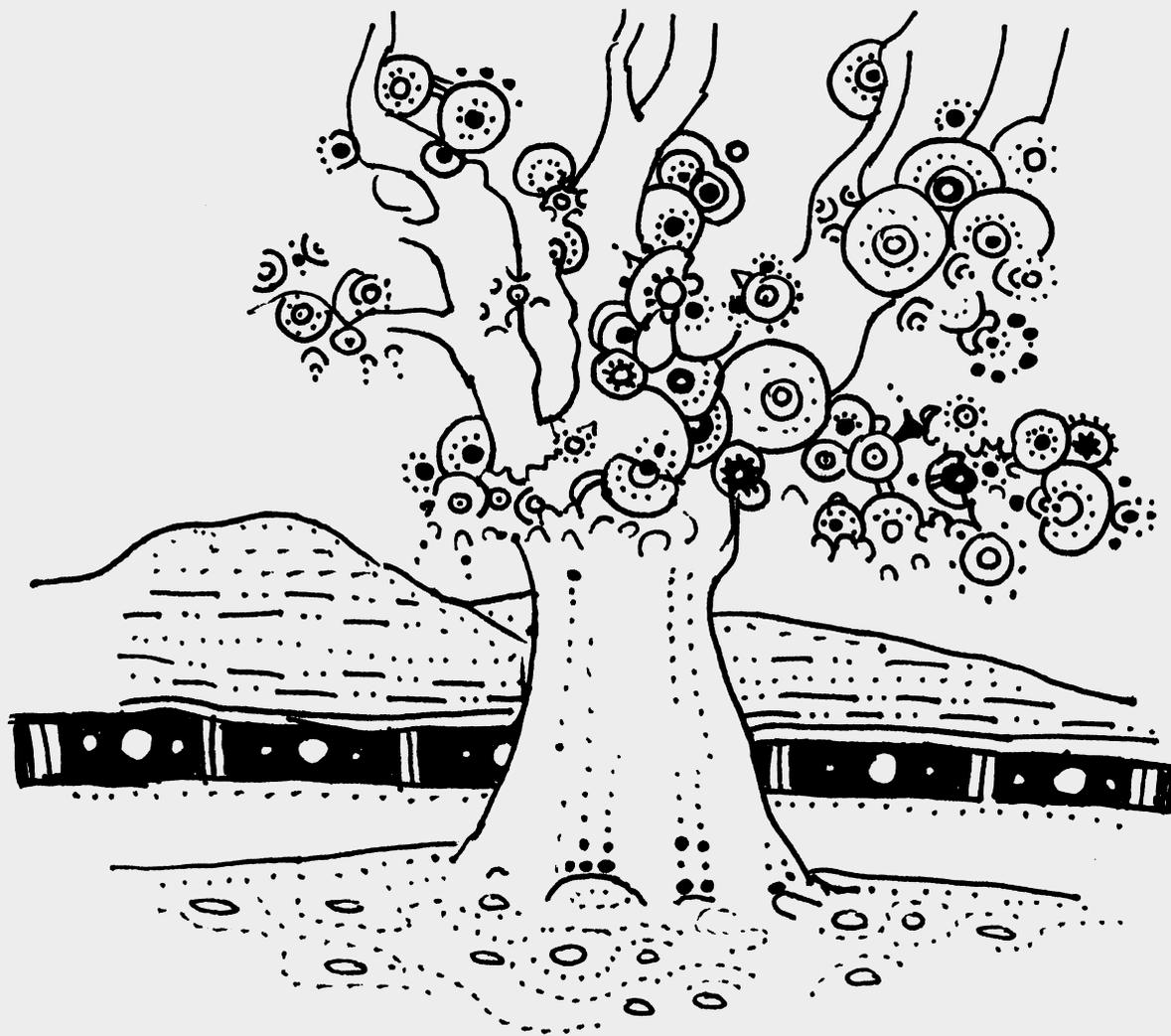


Если сердце мое отобьется от рук —
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак, узколобый невежда,
Выпив лишку — Джамшидом становится вдруг.



Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой!
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

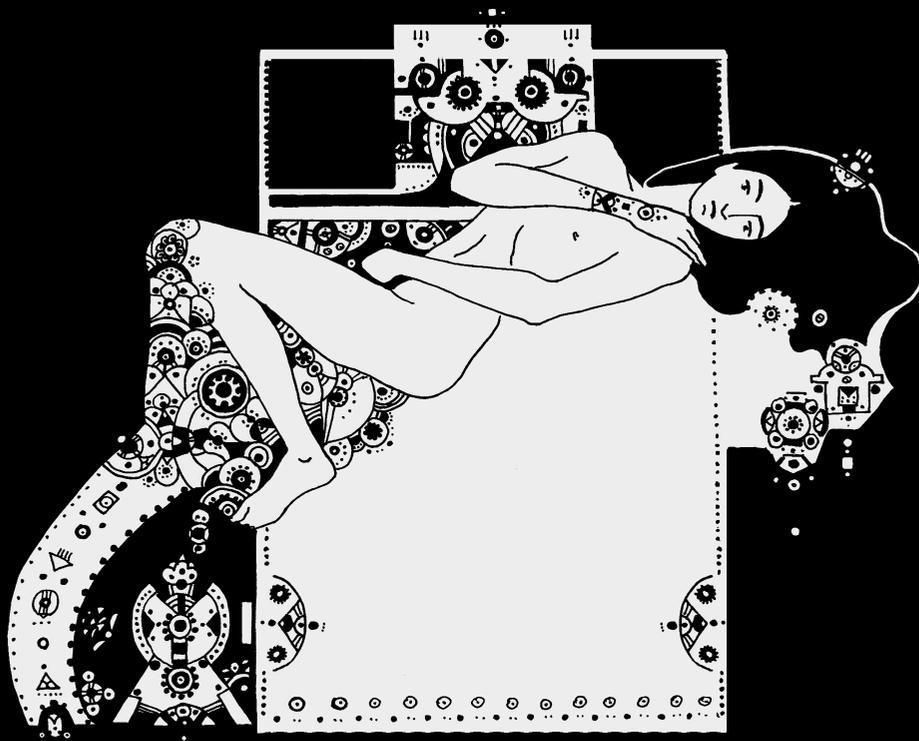


Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из ада возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о сердце мое!
И бояться не надо, о сердце мое!

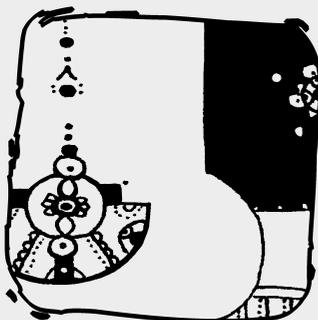


Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на Земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесать.

Я терплю издевательства неба давно.
Может быть, за терпенье в награду оно
Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
И тяжелый кувшин ниспошлет заодно.

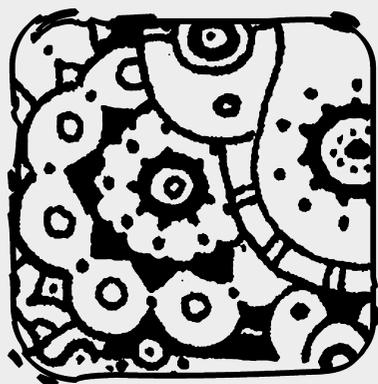


Вместо розы — колючка сухая сойдет.
Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
Если нет под рукою муллы и мечети —
Поп сгодится и вера чужая сойдет!



Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

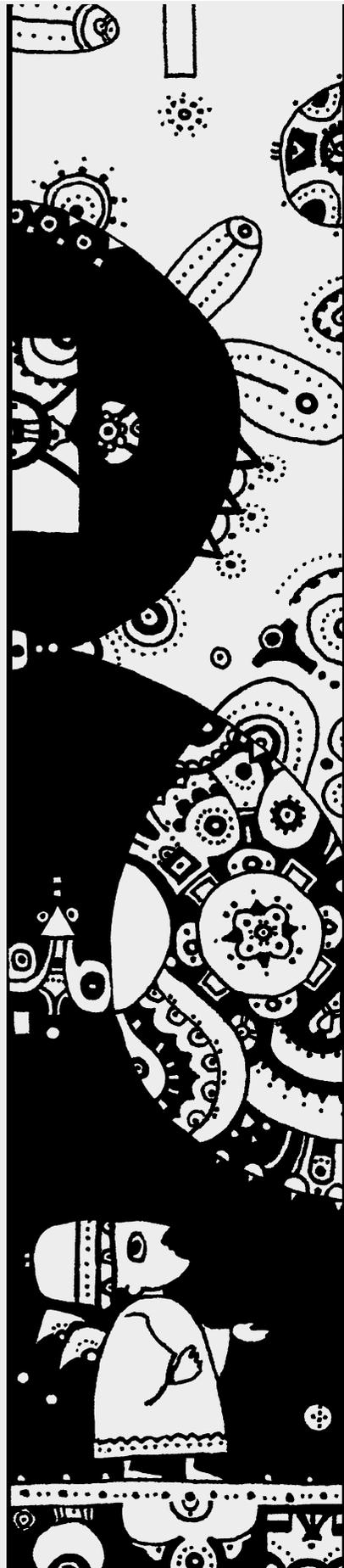
Согрешив, ни к чему себя адом страшать.
Стать безгрешным не надо, Хайям, обещать.
Для чего милосердному Богу безгрешный?
Грешник нужен Всевышнему — чтобы прощать.



Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попастьь.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.



Недостойно — стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!





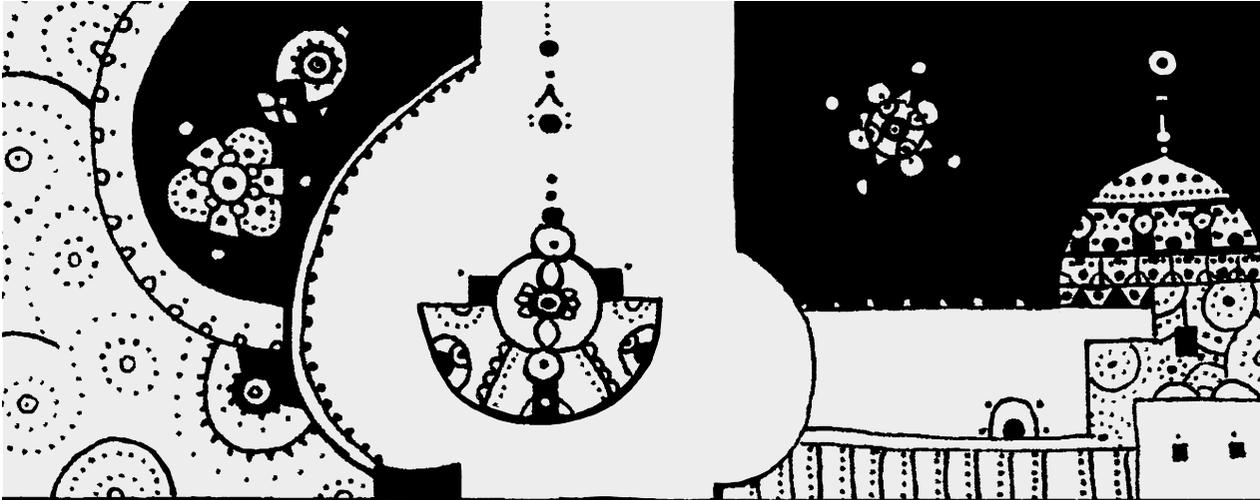
Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно,—
Вот последняя правда, открытая мной.



Каждый молится Богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел Божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.



Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?



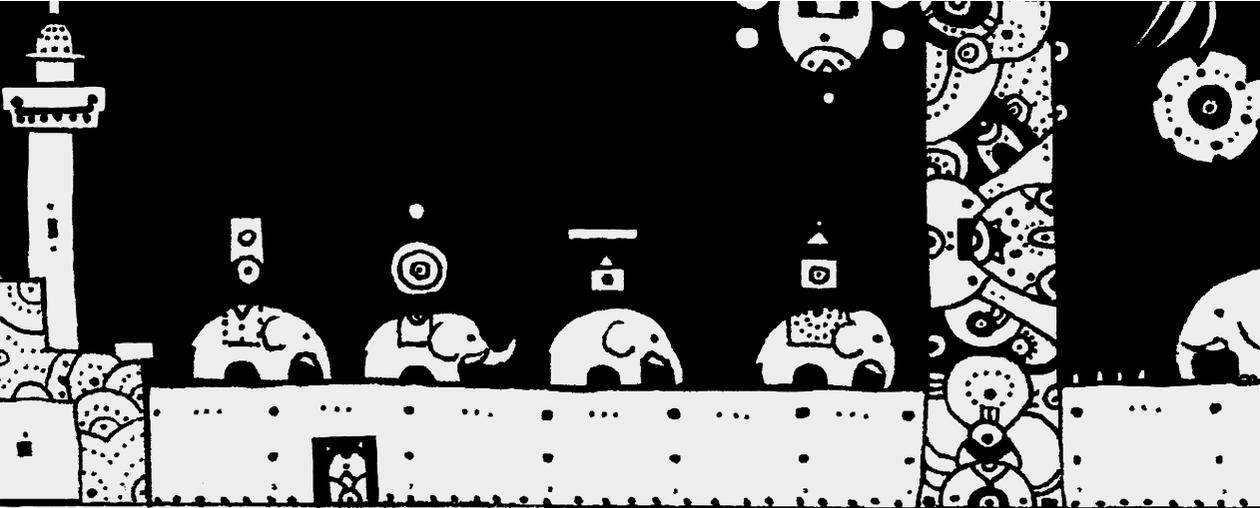
Как нужна для жемчужины полная тьма,
Так страдания нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!



Нишим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот.
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот!



Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость Творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлца.



С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал.
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

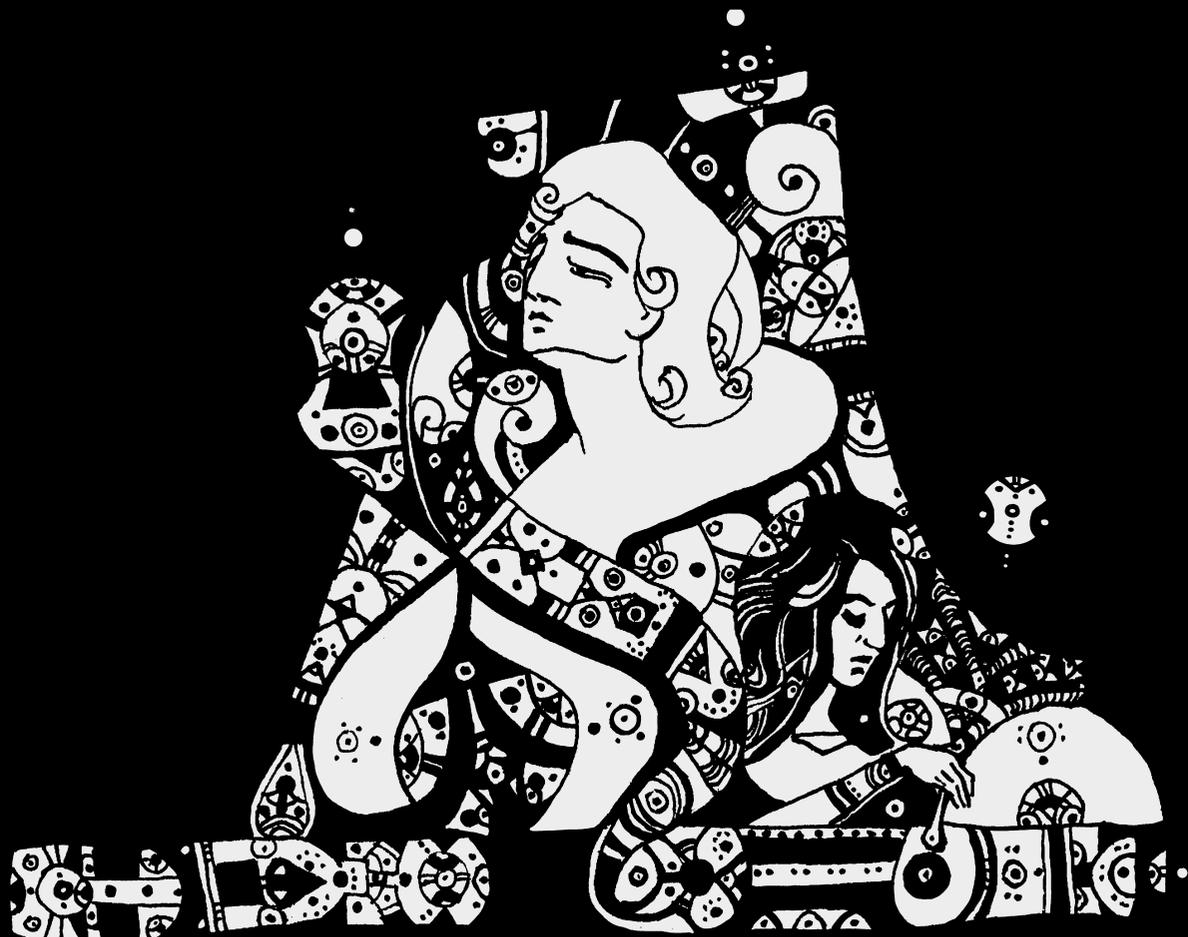


Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.



Этот райский, с ручьями журчащими, край —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

О мудрец! Если Бог тебе дал напрокат
Музыкантшу, вино, ручеек и закат —
Не выращивай в сердце безумных желаний.
Если все это есть — ты безмерно богат!



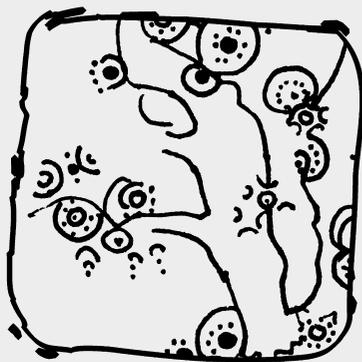
Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии.
Кроме чаши вина — утешения нет.



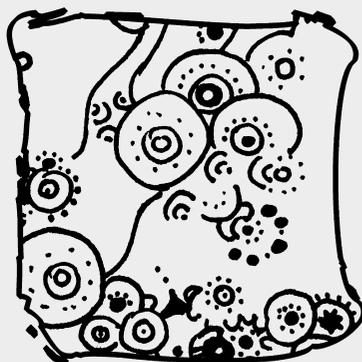
«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
Ад и рай — это две половинки души.



Жизнь моя — не запойное чтение книг,
Я с хвалебной молитвою к чарке приник.
Если трезвый рассудок — твой строгий учитель,
Ты рассудка не слушай: он — мой ученик!



Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы — не могу.



Дураки мудрецом почитают меня,
Видит Бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.



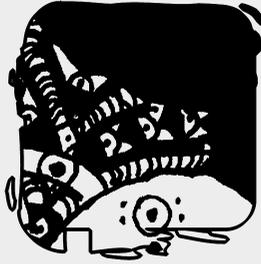
Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Слово лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекле нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.



Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.



Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:
Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

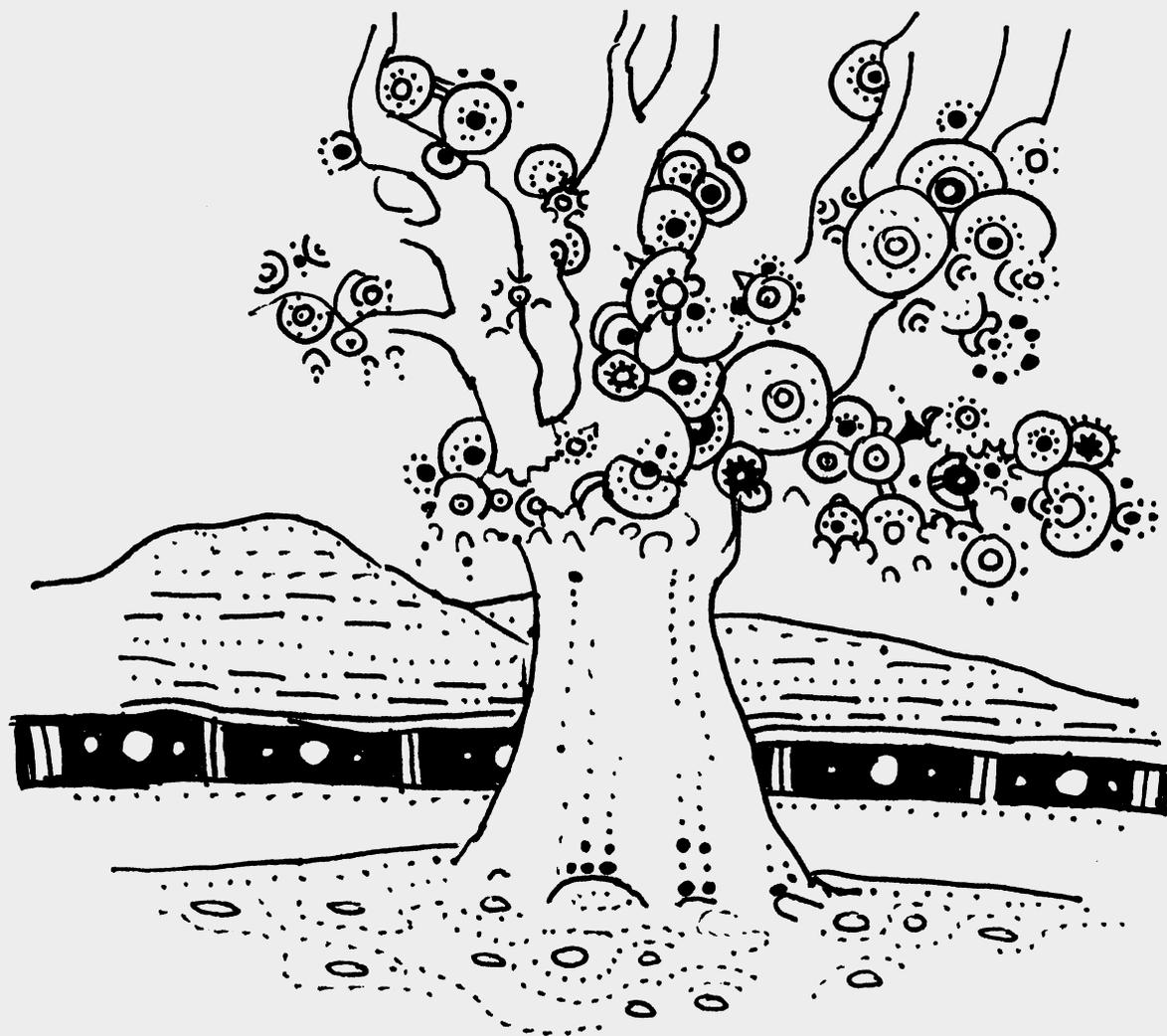


Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами,
Но достоин ли ты выносить приговор?



От излишеств моих — разве Ты обнишал?
Что за прибыль Тебе, если я отошал?
Я смиренно прошу, чтобы Ты, милосердный,
Нас пореже карал и почаще прошал.

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вырвал из праха.
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

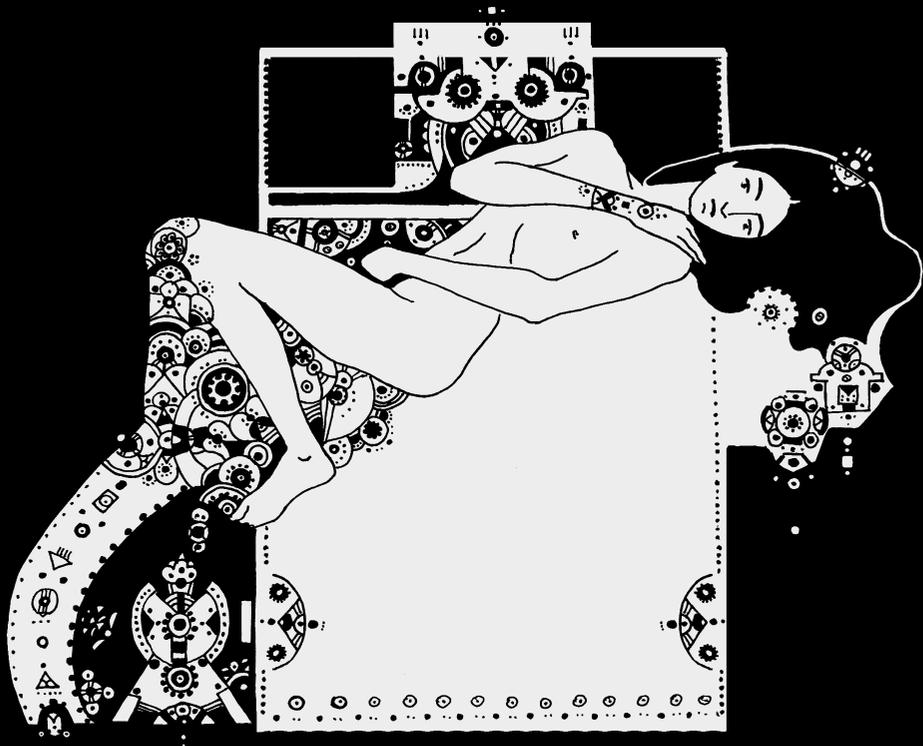


Из сиреновой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин.

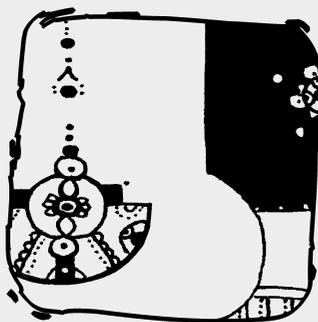


Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами,
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

Как прекрасны и как неизменно новы
И румянец любимой, и зелень травы.
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

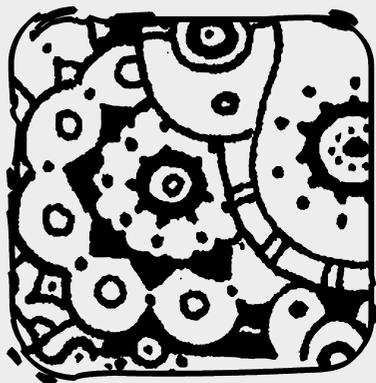


Страсть к неверной сразила меня, как чума.
Не по мне моя милая сходит с ума!
Кто же нас, мое сердце, от страсти излечит,
Если лекарша наша страдает сама?



В поднебесье светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомнениях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

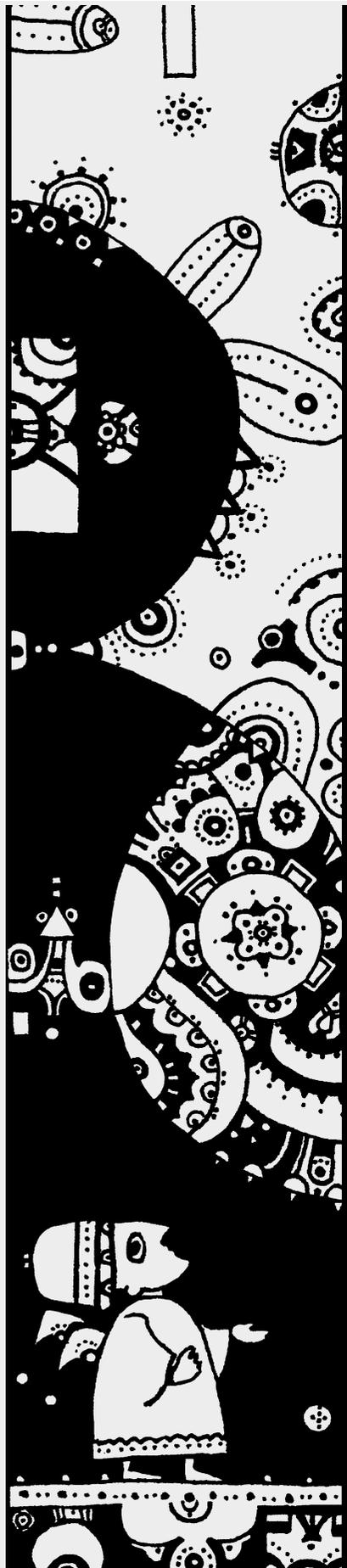
В окруженьи друзей, на веселом пиру
Буду пить эту влагу, пока не умру!
Буду пить из прекрасных гончарных изделий
До того, как сырем послужить гончару.



Хоть мудрец — не скупец и не копил добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедрa!



Все, что в мире нам радует взоры,— ничто.
Все стремления наши и споры — ничто.
Все вершины Земли, все просторы — ничто.
Все, что мы волочем в свои норы,— ничто.



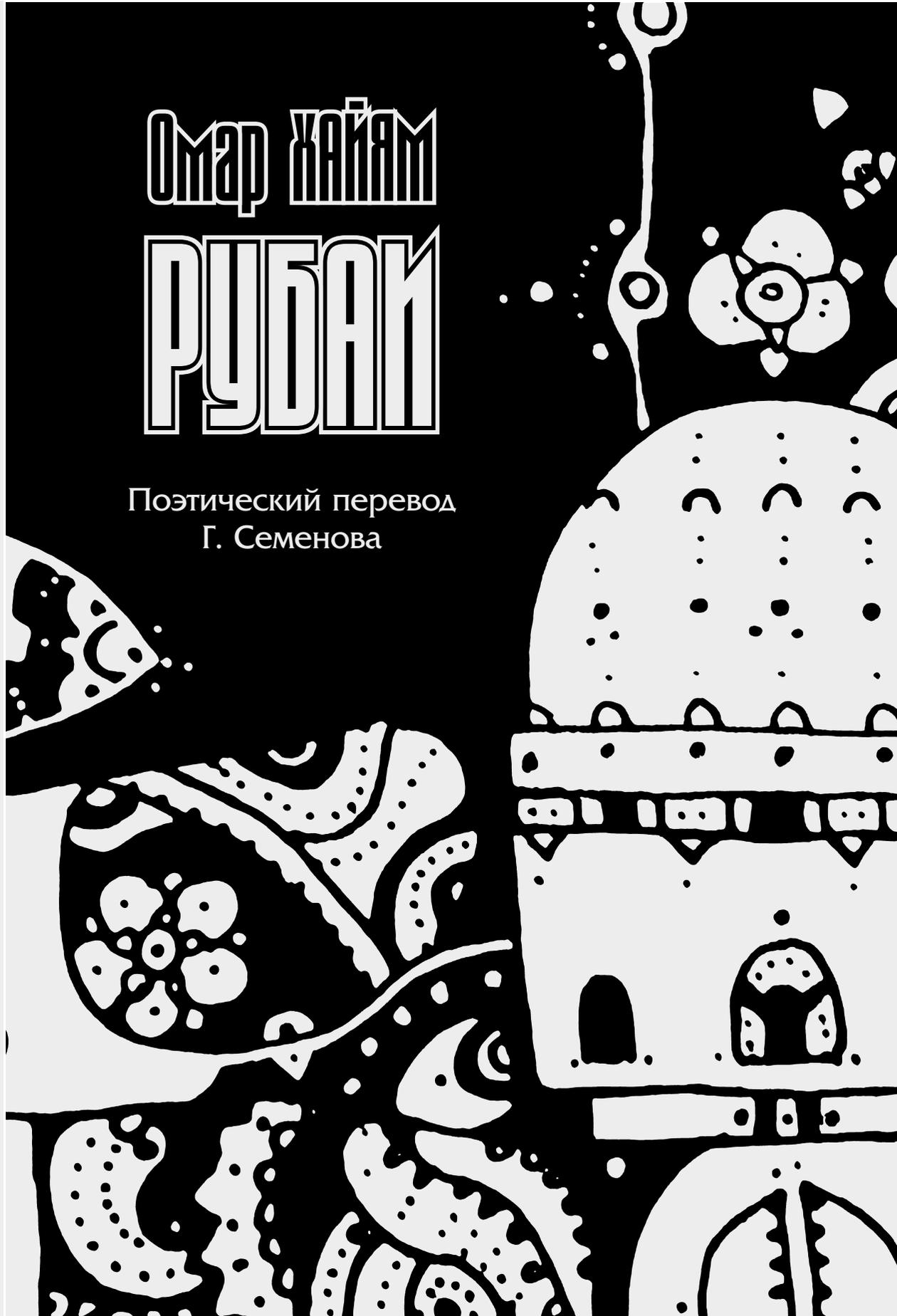
Когда глину творенья Аллах замесил,
Он меня о желаньях моих не спросил.
И грешил я по мере отпущенных сил.
Справедливо ль, что в рай меня Бог не впустил?



Омар Хайям

РУБАИ

Поэтический перевод
Г. Семенова



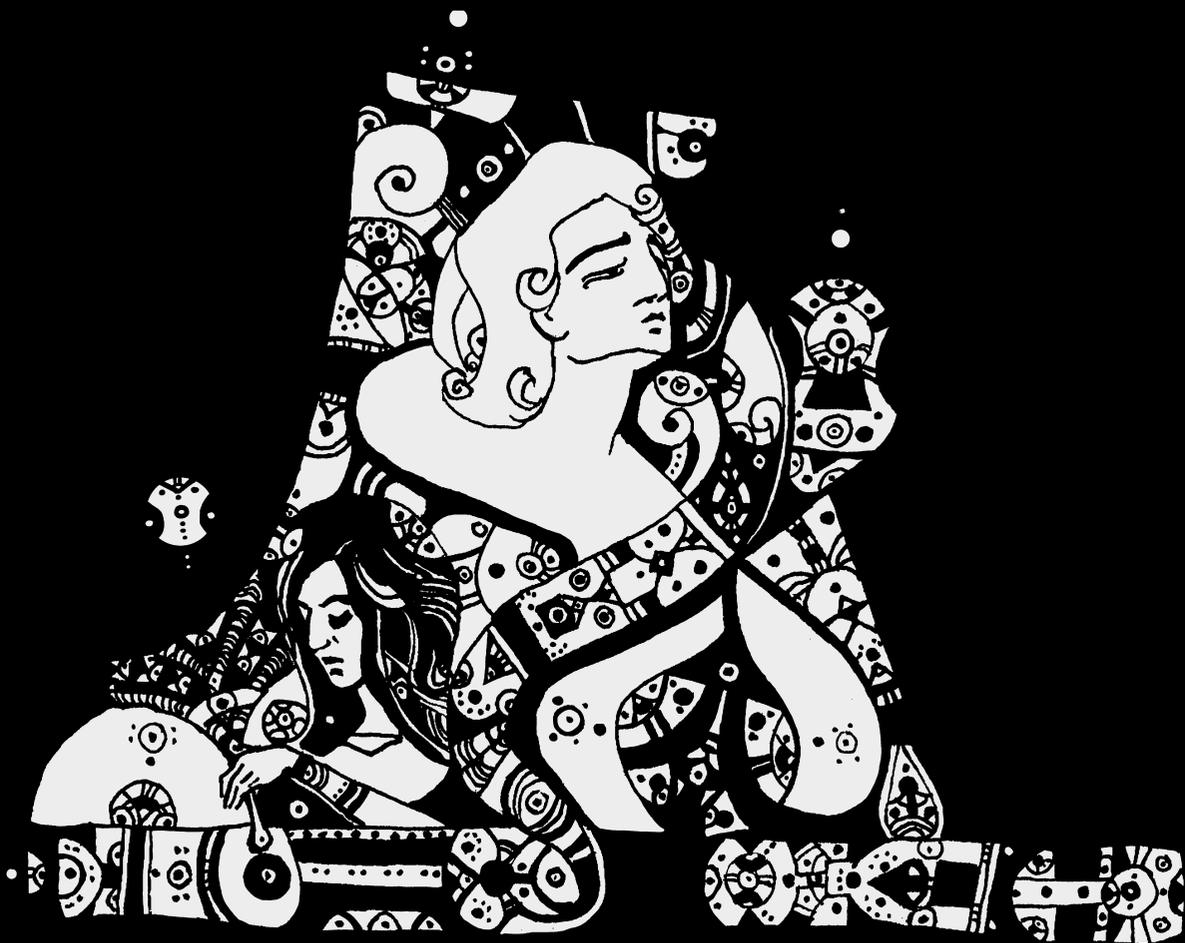
Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

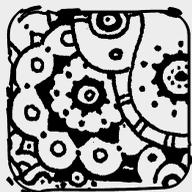
Поэтический перевод
Г. Семенова



Когда Вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,—
Я, за полу схватив Создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, Владыка вечный?»



Благоговейно чтят везде стихи Корана.
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.



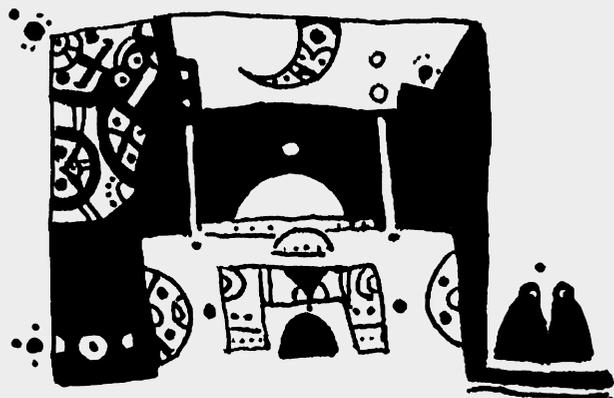
Ко мне ворвался ты, как ураган, Господь,
И опрокинул мне с вином стакан, Господь!
Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
Гром разрази меня, коль ты не пьян, Господь!



Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Красой затмила ты Китая дочерей,
Жасмина нежного твое лицо нежней.
Вчера взглянула ты на шаха Вавилона
И все взяла: ферзя, ладьи, слонов, коней.

И сияние рая, и ада огни —
Мне мерещились на небе в давние дни.
Но Учитель сказал: «Ты в себя загляни —
Ад и рай, не всегда ли с тобою они?»



Если ты не слепой, мглу могильную зри!
Эту, полную смут, землю пыльную зри!
Сильных мира сего в челюстях муравьиных —
Этот мир, эту тризну обильную — зри!

Долго ль будешь ты всяким скотам угождать?
Только муха за харч может душу отдать!
Кровью сердца питайся, но будь независим.
Лучше слезы глотать, чем объедки глодать.

Знай: в любовном жару — ледяным надо быть.
На сановном пиру — нехмельным надо быть.
Чтобы уши, глаза и язык были целы,—
Тугоухим, незрячим, немым надо быть.

О, доколе ты по свету будешь кружить,
Жить — не жить, ненасытному телу служить?
Где, когда и кому, милый мой, удавалось
До потери желаний себя ублажить?

Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод А. Кушнера



Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

Поэтический перевод
А. Кушнера

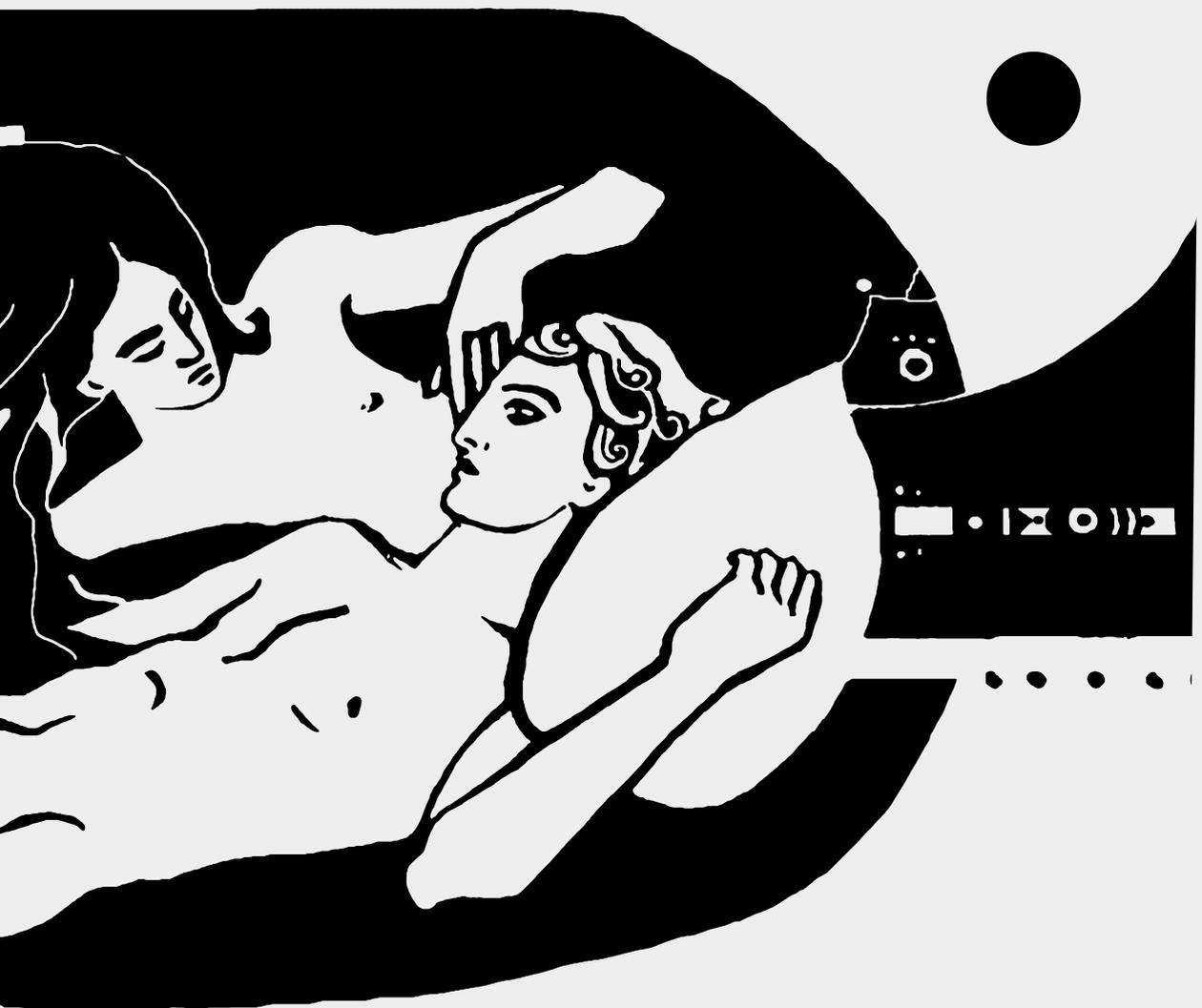


Как хотел, так себя ты и тешил всю жизнь,
Пил с друзьями и жен своих нежил всю жизнь.
Перед тем, как уйти, оглянулся — и что же? —
Все приснилось, как будто и не жил всю жизнь.

До того, как замрешь на последней меже,
В этой жизни подумать успеи о душе,
Ибо там, оказавшись с пустыми руками,
Ничего наверстать не успеешь уже.



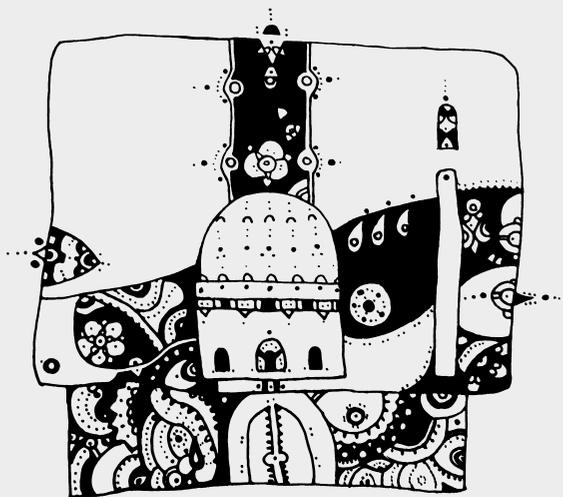
Возвеличит молва — то вина не твоя.
Полетит голова — то вина не твоя.
Ах, добро или зло приключится с тобою,
Вспомни эти слова — то вина не твоя.



Сердце! Пусть хитрецы, сговорясь заодно,
Осуждают вино, дескать, вредно оно.
Если душу отмыть свою хочешь и тело —
Чаще слушай стихи, попивая вино.



Думал, казий и муфтий мне смогут помочь
Верный путь обрести, скорби дух превозмочь,
Но, пожив, убедился, что эти всезнайки
Знают, друг мой, как я, так же мало точь-в-точь.



Жил ты, бедную душу грехами губя,
Без раскаянья жил, никого не любя,
И когда до своей доберешься могилы,
Отвернется, пожалуй, земля от тебя.

ТРАКТАТ

«О БЫТИИ
И ДОЛЖЕНСТВОВАНИИ»

мудреца Омара
Ибн Ибрахима
Ал-Хайями



ТРАКТАТ
«О БЫТИИ
И ДОЛЖЕНСТВОВАНИИ»

мудреца
Омара Ибн Ибрахима Ал-Хаййями



Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Ответ Абу-л-Фатха Омара ибн Ибрахима ал-Хайями на письмо судьи и имама Абу Насра Мухаммада ибн Абда ар-Рахима ан-Насави, ученика аш-Шейх ар-Раиса, в котором он спрашивает о мудрости Творца в сотворении мира и в особенности человека и об обязанности людей молиться.

Хвала Аллаху милосердному и благодетельному и мир избранным Его рабам, в особенности господину пророков Мухаммаду и его чистому роду.

Абу Наср Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ан-Насави, имам и судья провинции Фарс, в 473 году написал досточтимому господину доказательства истины, философу, ученому, оплоту веры, царю философов Запада и Востока, Абу-л-Фатху Омару ибн Ибрахиму ал-Хайями, — да освятит Аллах его душу! — письмо, содержащее соображения о мудрости благословенного и всевышнего Аллаха в сотворении мира и в особенностях человека и об обязанности людей молиться, дополненное многочисленными стихами, из которых сохранились только следующие:

— О восточный ветер, если ты соблюдаешь договор по отношению ко мне, провозгласи мир ученойшему ал-Хайями.

Смиренно поцелуй перед ним прах земли, так смиренно, как тот, кто пользуется дарами мудрости.

Он — мудрец, облака которого орошают живой водой истлевшие кости.

Он берет из философии о бытии и долженствовании то, благодаря чему его доказательства не нуждаются в вопросах «почему».

На это Хайям ответил следующим трактатом:

— О единственный, достославный и совершенный глава, да продолжит Аллах твое существование и продлит твою жизнь, да возвысит тебя и отвратит тебя от зла! Твои знания обильнее знаний всех моих сверстников, твои совершенства далеко превосходят их совершенства и твоя душа чище, чем их души. Поэтому ты знаешь гораздо лучше, что вопросы бытия и долженствования относятся к таким трудным вопросам, решение которых оказалось невозможным для большинства ими занимавшихся и их обсуждавших. Каждый из этих вопросов состоит из нескольких подразделений, каждое из этих подразделений нуждается в некоторых видах труднодостижимых критериев, основывающихся на различных утверждениях, вызывающих спор между теми, кто этим занимался. Эти два вопроса являются одними из завершающих вопросов высшей науки и первой философии, мнения говорящих о них очень противоречивы, а раз дело обстоит так, тем более было бы трудно говорить об этих вопросах, если бы ты не почтил меня предложением обсудить и поспорить по этим двум вопросам. Поэтому я не могу не заняться перечислением подразделений этих двух вопросов и всех их разновидностей и объяснением всех их доказательств, насколько я разобрал их и разработали их мои учителя и предшественники. Я буду краток, так как у меня мало времени и нет возможности расширить рассуждение, сделав его длинным, многословным и подробным. Насколько я знаю, твой ум и твоя интуиция — да охранит Аллах твои достоинства! — удовле-

творяются малым из многого и намеком из объяснения. Мои слова об этих вопросах будут как слова наставляемого, а не наставника, ученика, а не учителя. Я вдохновляюсь тем, что исходит из твоего благородства, и черпаю из твоего полноводного моря. Да продлит Аллах твое достоинство и да не лишит он нас твоего покровительства. Я прибегаю к помощи всевышнего Аллаха, благодетельного и дарующего справедливость.

Истинные существенные вопросы, употребляемые в искусстве философии, это три вопроса, являющиеся источником всех других вопросов.

Первый из них — это вопрос «есть ли это», т. е. вопрос о том, есть ли вещь, и о доказательстве этого. Например, если бы мы сказали: «Существует ли разум или нет?», — то ответ будет «да» или «нет».

Второй вопрос — «что это», т. е. вопрос об истине вещи и ее сущности. Например, если бы мы сказали: «Что есть истина разума?», — то ответ состоит в определении, описании, расчленении или разъяснении названия. Этот вопрос не требует от отвечающего выбора между отрицанием и утверждением, здесь отвечающий должен ответить то, что он хочет, из того, что он считает определением вещи или представлением о ней.

И третий вопрос — «почему», т. е. вопрос о причине, благодаря которой вещь существует и без которой эта вещь не существовала бы. Например, если бы мы сказали: «Почему существует разум?», — то ответ на этот вопрос также не требует от отвечающего выбора между двумя противоположностями. Но он должен дать ответ так, чтобы ни одна из частей его исчерпывающего ответа о причине этого не была бы альтернативой, за исключением того, что касается второго вопроса.

Между вопросом «что» и вопросом «почему» имеются соотношения, о которых говорится в «Книге доказательства» из «Книг логики». Каждый из этих вопросов подразделяется на различные виды, упоминать которые нам нет необходимости. Только упомянем, что вопрос «что» согласно первому подразделению разделяется на два вида. Упомянуть о них обоим необходимо, так как люди этого искусства имеют различные мнения об этом.

Один из двух видов вопроса «что» — это «что» истинное, говорящее об истине вещи. Этот вид следует за вопросом «есть ли», так как если мы не знаем, обладает ли вещь определенным существованием, мы не можем рассуждать о ее сущности, ибо то, что не существует, не обладает истинной сущностью.

Второй вопрос — «что» описательное, говорящее об объяснении названия, применяемого к данной вещи. Оно предшествует вопросу «есть

ли вещь», так как если нам не разъяснен смысл речи того, кто говорит: «Существует ли западная «унка» или нет?», — мы не можем ответить утвердительно или отрицательно. Поэтому необходимо, чтобы ответ, разъясняющий название, предшествовал вопросу «есть ли».

Так как некоторые из занимавшихся логикой не поняли этого подразделения вопроса «что» на два вида, это привело их к путанице и растерянности. Некоторые из них считают, что вопрос «что» следует за вопросом «есть ли», имея в виду истинный вид, некоторые считают, что он, вопрос «что», предшествует ему, вопросу «есть ли», имея в виду описательный вид.

Что касается вопроса «почему», то он следует за обоими последними вопросами [«что» и «есть ли»], так как если мы не знаем истины вещи и есть ли она, то не можем узнать и причины существования этой вещи.

Имеются и другие вопросы, например «какой», «как», «сколько», «когда», «где», но они являются случайными, говорят о случайных для данной вещи истинах, доказываемых с ее помощью, и, следовательно, при исчерпывающем исследовании включаются в истинные существенные вопросы, так что мы не нуждаемся в упоминании этих вопросов.

Существующее никогда не может быть без вопросов «что» и «есть ли», а также без определенности, так как то, что не обладает вопросом «есть ли» и определенностью, будет несуществующим, тогда как мы предложили его существующим, что нелепо. Также вещь никогда не может быть без истины и сущности, при помощи которой она определяется и выделяется из всего остального, так как то, что не имеет определения и не выделяется из всего остального, будет несуществующим, тогда как мы предложили его существующим, что нелепо.

Среди сухого могут быть такие вещи, которые не обладают вопросом «почему». Это необходимые вещи, которые не могут не существовать, и если мы предположим их несуществующими, то из этого необходимо вытекает нелепость. Вещь, действительно обладающая этим свойством, не имеет причины и вопроса «почему», следовательно, имеет место необходимость существования по самой своей сущности. Это — Единственный и Вечно Живой, являющийся причиной существования всего сухого, его щедрость и мудрость дарует всяческое благо и справедливость, велико его величие и священны его имена. Это вопрос, не относящийся к нашей цели. Если ты рассмотришь все существующие вещи и вопросы «почему» для них, то увидишь, что вопросы «почему» для всех вещей приводят к вопросам «почему», условиям и причинам, не имеющим ни вопросов «почему», ни условий, ни причин. Доказа-

тельство этого таково. Если спрашивается: «Почему АВ?», — мы говорим: «Потому что [А] С»; если спрашивается: «Почему АС?», — мы говорим: «Потому что [А] D»; если спрашивается: «Почему AD?», — мы говорим: «Потому что [А] E», и так далее. Поэтому такое рассуждение необходимо приводит к причине, не имеющей причин, так как иначе мы получили бы бесконечную цепь или порочный круг, а и то и другое нелепо. На самом деле все причины существующих вещей приводят к причине, не имеющей причины. В божественной науке объясняется, что причина, не имеющая причины, есть Необходимо Существоющий по своей сущности, Единый во всех отношениях и Свободный от всех видов недостатков. Все вещи существуют благодаря ему и приводят к нему. Отсюда ясно, что вопрос «почему» не может быть применен к любому существу, его можно применить только к таким существующим вещам, несуществование которых не невозможно. К Единому Необходимо Существоющему этот вопрос применить нельзя.

После предложения этих предпосылок и их краткого обсуждения перейдем к нашей цели — речи о бытии и долженствовании.

Мы говорим, что слово «бытие» применяется в нескольких значениях, и отбросим те значения, которые не относятся к нашей цели. Мы говорим, что бытие, о котором здесь идет речь, является существованием вещей, существование которых возможно и предположение о несуществовании которых не приводит к нелепости. Что касается вопроса «есть ли» по отношению к такой вещи, то, например, если говорится: «Имеются ли существующие вещи с указанным свойством или нет?», ответ будет «да». Если от нас требуют доказать наличие этих существующих вещей, то совершенно ясно, что чувства, необходимые наблюдения и заключения разума освобождают нас от каких-либо других доказательств, — к этой категории относятся все существующие вещи и свойства, которые были до нас, поскольку нашим телам и судьбам предшествовало небытие.

Что касается причины абсолютного бытия, то существующие вещи последовательно происходят в виде нисходящей цепи, от первого истинного начала, всемогущего и великого как по ширине, так и по длине. От его истинной чистой щедрости происходит все возможное. Таким образом, щедрость всевышнего Творца является причиной всего сущего. Если от нас потребуют ответа на вопрос «почему» о его щедрости, мы скажем, что она не допускает вопроса «почему», так как она необходима. Подобно тому как основа Необходимо Существоющего не допускает вопроса «почему», этого вопроса не допускает и щедрость и все Его качества.

Из ряда этих вопросов вызывает сомнение самый трудный и самый важный вопрос в этой главе: почему существующие вещи не одинаковы по благородству? Знай, что этот вопрос, вызывающий смущение у большинства людей, так что почти нет такого мудреца, которого не охватило бы смущение по поводу этой главы. Я и мой учитель аш-шейх ар-раис Абу Али ал-Хусайн ибн Абдаллах ибн Сина ал-Бухари — да возвысит Аллах его достоинство! — обратили внимание на этот вопрос, и, быть может, нами это обсуждение доведено до удовлетворения наших душ, возможно, вследствие слабости наших душ, удовлетворяющихся недостаточным при приукрашенной наружности, а может быть, благодаря тому, что эта речь сильна по существу и ею нельзя не удовлетвориться. Подойдем к краю этого на пути намека и скажем, что истинное достоверное доказательство основывается на том, что существующие вещи не созданы всевышним Аллахом все вместе, а Он создал их в нисходящем порядке, отправляющимся от Него в виде цепи порядка. Первое творение есть чистый разум, являющийся самым благородным среди существующих вещей, вследствие своей близости к первому истинному началу. Затем таким же образом Он создал более благородное, спускаясь к более и более низкому, до тех пор пока Он в своем творении не дошел до самого низкого из существующих вещей — праха разложившегося сухого. Затем Он начал создавать, восходя от него к более благородным вещам, пока не дошел до человека, являющегося самым благородным среди сложных существующих вещей и последним из существующих вещей в мире бытия и тлена, а следовательно, самым близким к Творцу среди благородных созданий и самым удаленным от праха среди сложных благородных существующих вещей.

Всевышний смог создать эти сложные существующие вещи только в течение некоторого времени в силу необходимости избежать соединения взаимно противоположных, но встречающихся вместе свойств в одной вещи в одно время с одной стороны. Если скажут, почему Он создал несовместимые противоречия в существовании, ответ будет таков, что воздерживаться от большего блага из-за необходимости малого зла есть большое зло. Всеобщая истинная мудрость и всеобщая истинная щедрость дали всем существующим вещам присущее им совершенство без уменьшения доли хотя бы одной из них. Однако они в зависимости от их близости или дальности различаются по благородству. И это не следствие скупости Истинного, щедрого и великого, а потому что таково требование вечной мудрости.

Таков итог, и если бы я изложил его так, как излагает его одна из философских школ, то обнаружили бы его начала с помощью доказательства, которое повело бы тебя по пути достоверности исследования.

Что касается вопроса о долженствовании, то, возможно, он легче вопроса о бытии. Я также изложу его тебе — то, что я знаю об этом как ученик. Я говорю: вполне вероятно, что слово «долженствование» имеет различные значения в зависимости от его употребления. Я упоминаю то, что понимают под ним философы. Долженствование — это повеление, исходящее от всевышнего Аллаха, которое гонит людей к предназначенным для них совершенствам в их жизни, как первой, так и другой, отвращает их от несправедливости и гнева, совершения злодеяний, приобретения пороков, стремления к следованию силам тела, мешающим им следовать силе разума.

Что касается вопроса «есть ли» для долженствования, то этот вопрос включен в вопрос «почему» для него, так как вопрос «почему» для вещи содержит вопрос «есть ли» для них. Мы ответим на этот вопрос «почему» так: щедрый и великий Аллах создал род людской таким образом, что люди не могут приобрести свои совершенства иначе как посредством сотрудничества и взаимной помощи, так как если бы не были произведены их пища, их одежда, их жилища, — а это то, в чем они больше всего нуждаются для жизни, — они не могли достичь совершенства, а ни один из них не может самостоятельно произвести все, в чем он нуждается из средств жизни. Поэтому каждый из них должен взять на себя производство одного из необходимых средств жизни, что освобождает его от той тяжести, которая лежала бы на нем, если бы он один был нагружен многими делами. Раз дело обстоит так, люди вынуждены принять справедливый закон, по которому они делились бы между собой по справедливости. Такой закон может быть установлен только таким человеком, который наиболее силен разумом и наиболее чист душой, которого не занимают дела мира, помимо самых необходимых для жизни, который не стремится к господству и не подвержен страстям и гневу. Его забота состоит в стремлении удовлетворить тому, что повелевает всевышний Аллах установлением справедливого закона. Он чужд пристрастия и предпочтения одного другому и вершит суд между ними на равных началах. Он будет той истиной, душе которой внушено божественное вдохновение и созерцание ангелов, что не внушается людям более низкой степени. Он отличен тем, что заслуживает повиновения, и это отличие проявляется знаками и чудесами, свидетельствующими о том, что он послан своим господином, щедрым и великим.

Далее, известно, что отдельные люди различны по своей способности к добру и злу и к приобретению добродетелей и пороков, что объясняется как состоянием их тел, так и состоянием их душ. Большинство людей считают то, что им должны другие, необходимым и истинным и настаивают на выполнении этого права, не видя того, что они должны другим, каждый из них считает свою душу лучше душ многих людей и более достойной блага и власти, чем другие. Поэтому необходимо, чтобы законодатель пользовался бы поддержкой Аллаха, а не был бы бессилен вершить законный суд среди людей, побуждать одних проповедью, других — доказательством и рассуждением, некоторых — сердечным или телесным примирением, некоторых — устрашением и предупреждением, а некоторых — жестокими ограничениями или казнью.

Так как подобный пророк не может существовать во все времена, необходимо, чтобы установленные им законы оставались бы в течение некоторого времени — до тех пор, пока им не предназначено исчезнуть. Но справедливые законы не могут существовать без того, чтобы люди постоянно не вспоминали законодателя. Поэтому им предписано молиться, упоминая законодателя и Истинного, щедрого и великого, это повторяется для того, чтобы упоминание укрепилось благодаря постоянному повторению.

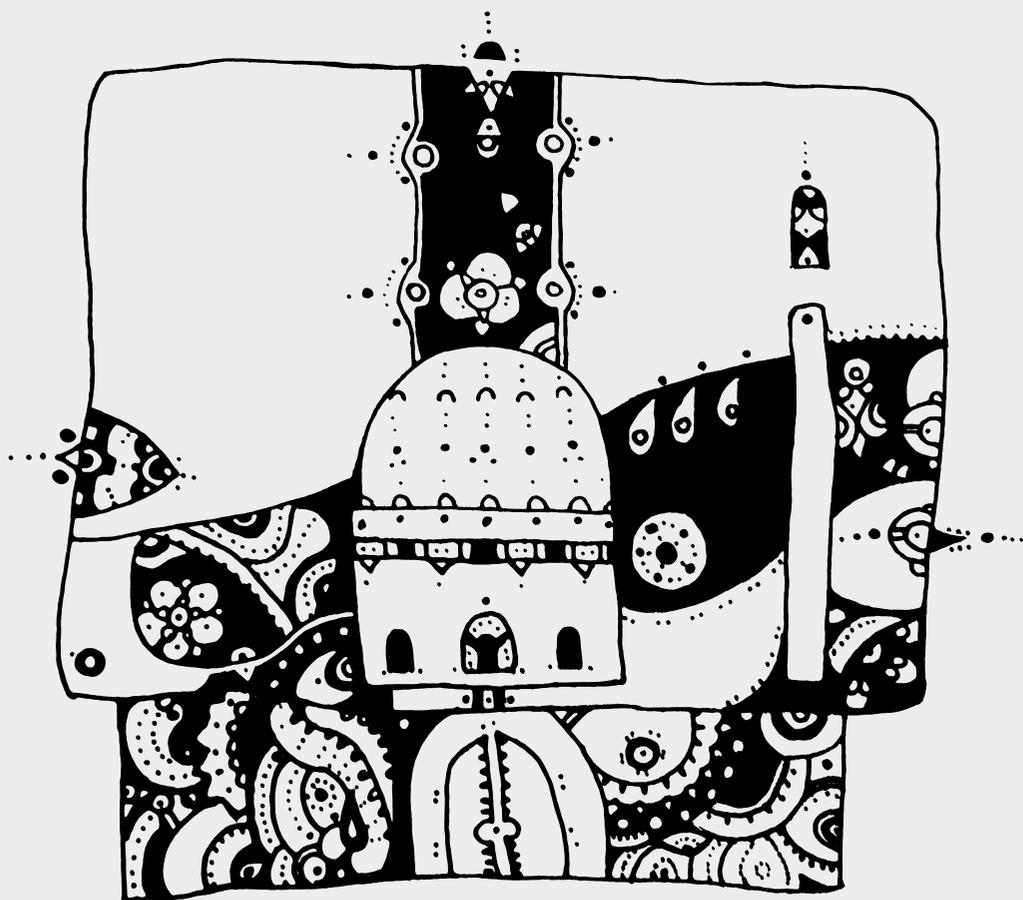
Тот, кто повинуется повелениям и запрещениям Аллаха и пророка, получает три пользы. Первая из них состоит в воспитании души приучением ее к воздержанию от страстей и обузданию силы гнева, помрачающей силу разума. Вторая из них состоит в приучении души к рассмотрению божественных деяний и воскресения на другом свете для побуждения ее к молитвам, спасающим от лукавого и приводящим к истине, к размышлению о Небесном Царстве, к признанию первой истины, т. е. Истинного, являющегося причиной существования всего сущего. Велико Его величие и священны Его имена, и нет божества, кроме Него, являющегося причиной всего существующего и расположенного цепью порядка, которую требует мудрость истины с помощью доказательства, основанного на чистом правиле, свободном от ложных выводов и софистики. Третья из них состоит в том, что люди помнят истинного законодателя и все принесенные им указания, обещания, устремления для установления справедливого закона между ними, — и таким образом между ними устанавливается справедливость и взаимопомощь и порядок мира продолжается в соответствии с тем, как этого требует мудрость великого всевышнего Творца. Таковы пользы от долженствования и поль-

зы от молитв. Тот, кто все это исполнит, получит награду на этом и на том свете.

Таким образом я рассматриваю мудрость Вечно Живого, Его милосердие и ослепительные чудеса.

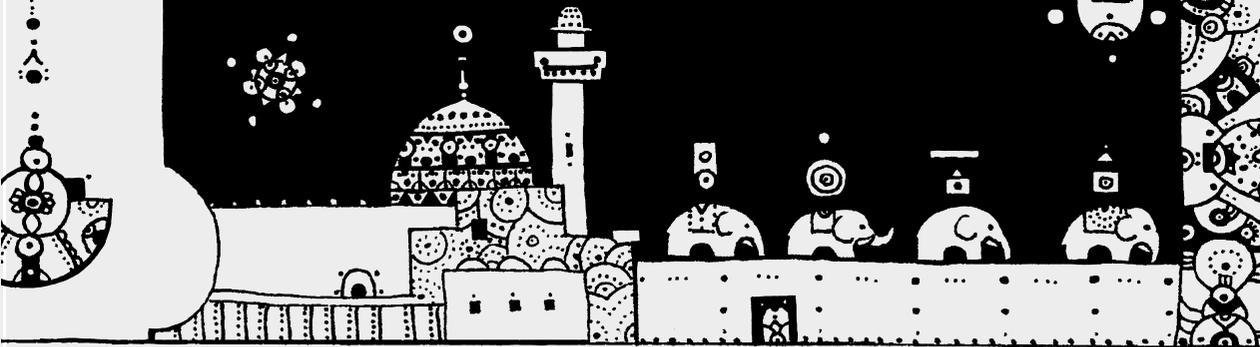
Вот то небольшое, что сейчас осенило меня. Я представляю это на твой высокий суд, о совершенный и единственный, для того, чтобы ты восполнил недостатки, устранил ошибки и поправил бы меня твоим благородным участием и любезной речью.

Всевышний Аллах лучше знает истину. Хвала Аллаху в начале, в конце, внутри и снаружи.



ОТВЕТ НА ТРИ ВОПРОСА:
НЕОБХОДИМОСТЬ
ПРОТИВОРЕЧИЯ В МИРЕ
ДЕТЕРМИНИЗМА
И ДОЛГОВЕЧНОСТИ

Дополнение
к «Трактату о бытии и долженствовании»



Далее, этот спор со мной по вопросу о необходимости противоречия возвысил мою славу, возвеличил мое дело и послужил причиной необходимости моей чистой благодарности всевышнему Аллаху, так как я не предполагал, что мне зададут такие вопросы, в которых содержится столь сильное сомнение.

Это состоит в следующем:

Если бы необходимость противоречия была возможно существующей, она имела бы причину и в конечном счете свелась бы к Необходимо Существующему самому по себе. Если бы она была бы необходимо существующей сама по себе, то необходимо существующих самих по себе было бы много, а было доказано, что Необходимо Существующее само по себе единственно во всех отношениях. Поэтому, если бы она была возможной, то ее причиной и Творцом было бы Единственное Необходимо Сушее, а вы категорически утверждали, что от него не может пристечь зла.

В ответ я говорю: имеется два вида определений для определяемых. Один вид называется существенным, это такое [определение], когда нельзя представить определяемое, не представив сначала этого определения. Это определение необходимо для определяемого без всякой внешней причины, как свойство быть животным для человека; это определение предшествует определяемому по существу, т. е. оно есть причина определяемого, а не его следствие, как животное по отношению к человеку и говорящее по отношению к нему же. Короче говоря, все части определения определяемого являются существенными определениями. Об этих понятиях уже говорилось.

Другой вид называется случайным, он противоположен первому, поскольку можно представить определяемое, не обладающее этим определением. Это определение не является причиной определяемого и не предшествует ему по порядку и по существу.

Этот вид разделяется на два вида, так как он бывает необходимым и неотделимым, как то, что человек способен мыслить, удивляться или смеяться, или отделимым в воображении, но не на самом деле, как чернота у ворона, так как чернота отделима от ворона только в воображении, а не на самом деле, или отделимым и в воображении и на самом деле,

как то, что человек является писцом или земледельцем. Это первичные виды определений.

Далее, необходимые определения, нужные для существующих вещей, имеются двух видов согласно первичному разумному делению: они бывают либо такими, что их необходимость вызывается другим, как необходимость смеяться для человека, которая необходима по причине необходимости удивляться; необходимость удивляться в свою очередь вызывается другой причиной; эта другая причина может быть либо необходимой, либо отделимой; но отделимое определение не может быть причиной необходимого определения; остается, что эта последняя причина также необходима. Если необходимость этой причины в свою очередь вызывалась другой причиной, речь повторилась бы и эти причины образовали бы либо бесконечную цепь, нелепость которой доказана, либо они образовали бы порочный круг, т. е. следствие стало бы причиной своей причины, что еще более нелепо, или привели бы к причине, не имеющей причины, и эта причина, или определение, была бы необходимо существующей для этого определяемого, как, например, свойство мыслить для человека. После представления этого и объяснения того, что некоторые определения являются необходимо существующими определениями для определяемых, обратимся к нашей цели.

Мы говорим, что существование относительно и распадается на два смысла, совершенно не совпадающие друг с другом, не совпадающие ни частично, ни полностью,— разница между этими тремя терминами (несовпадением, частичным совпадением и полным совпадением) известна из начал логики. Эти два смысла — это, во-первых, бытие в вещах, для которого среди людей название «существование» более правильно для всех, и, во-вторых, существование в душе, т. е. чувственное, фантастическое, воображаемое и разумное представление. Этот второй смысл полностью совпадает с первым, лишь поскольку познанные и представленные понятия существуют в вещах, так как существующее в вещах есть вещь. Но образ, схема или идея познанной или представленной вещи могут не существовать в вещах, как наше понятие человека: в душе и в вещах имеются различные понятия человека, поскольку человек есть вещь, но образ человека, существующий в душе, есть идея, не существующая в вещах. В этом и состоит различие между этими двумя существованиями. Таким образом, ясно, что различие между ними наиболее истинно, первично по своим причинам и следствиям, поэтому они называются несовпадающими, а не хотя бы частично совпадающими. Этот вопрос, хотя он и очень глубок и нуждается в большем исследовании, не скрыт от некоторых.

Если говорят, что свойство быть животным существует в человеке или что во всяком треугольнике три угла в сумме равны двум прямым, то мы подразумеваем под этим существованием не объективное существование, а существование в душе. Дело в том, что разумное представление человека таково, что представить человека можно, только если представить вместе с тем, что он есть животное, так как понятие животного необходимо для понятия человека. Точно так же нечетность необходима для тройки, так как тройку можно познать и представить только как нечетное число. Если что-нибудь невозможно познать и представить без какого-то свойства, это свойство является необходимостью для него, т. е. присуще ему не по какой-нибудь внешней причине, а есть необходимо присущее ему. Так, нечетность необходимо присуща тройке, а свойство быть животным необходимо присуще человеку, и таковы же все существенные свойства, являющиеся необходимо присущими определяемым.

Среди этих определений имеются такие, которые необходимо присущи вещи по той причине, что им предшествует другое определение, необходимо присущее ей, есть и такие, которые необходимо присущи вещи не по причине предшествующего другого определения. Таким же образом все необходимые определения являются необходимо присущими. Среди них имеются такие, для которых имеется причина в предшествующей необходимости, есть и такие, для которых нет причины в чем-либо, кроме сущности определяемого. Доказательством является то, что мы сказали выше.

Далее, если нечетность для тройки является необходимым свойством, необходимо присущим ей, нет необходимости, чтобы она существовала в вещах сама по себе, помимо того, что она в вещах необходимо присуща или, возможно, присуща вещи, так как она осуществлена в одной вещи, а если бы она существовала в вещах, это была бы другая вещь.

Свойства, не существующие в вещах, могут существовать в душе или разуме для определяемых, не существующих в вещах; нельзя сказать, что они существуют в вещах, подобно словам утверждающего, что пустота есть раскалываемое и растягиваемое расстояние, в которое стремятся тела, разрывающие его и движущиеся в нем из одного места в другое: эти свойства существуют в разуме, потому что пустота существует в представлении разума и не существует в вещах. Таким образом, существование определений для определяемых согласно первой цели является существованием в душе и в разуме, а не в вещах. Если говорят, что такое свойство необходимо присуще тому-то, это означает существование в разуме и в душе, а не в вещах. Таким же образом обстоит дело, если

говорят, что оно возможно присуще,— ты уже знаешь разницу между ними,— к какому бы свойству это ни относилось. Следовательно, существование в вещах отлично от существования вещи для другой вещи, это то несовпадение, о котором говорилось выше.

Далее доказательство основывается на том, что необходимость существования в вещах едина во всех отношениях и во всех свойствах оно является причиной существования всего существующего в вещах. Ты уже знаешь, что существование в душе не совпадает с существованием в вещах. Поэтому Тот, Чье величие велико,— причина всех существующих вещей.

Несуществование и его причины ясны некоторым. Я не хочу распространяться об этом.

Из всего этого ясно, что когда говорится: «Нечетность необходимо присуща тройке»,— это значит, что она присуща тройке не благодаря внешней причине или специальному творчеству Творца. То же относится ко всему существенному и необходимому. Возможно, что одна сущность является причиной другой сущности и одна необходимость является причиной другой необходимости, не имеющей причин, и эта сущность будет причиной в некотором смысле. Это утверждение не наносит никакого ущерба высказанному положению о том, что Необходимо Сущее по своему существу едино во всех отношениях, так как здесь существование есть бытие в вещах, а Необходимо Сущее в вещах едино, как мы разъяснили в других разделах. Это существование есть наличие вещи, независимо от того, является ли оно существованием в вещах или в душе. Короче говоря, все вещи, существующие в вещах, только возможны, за исключением Единственного Необходимо Сущего.

Что касается общего анализа вопроса, возможно, существующие вещи проистекают из святого Сущего в правильном порядке. Далее, среди этих существующих вещей имеются такие, которые противоречат друг другу по необходимости, а не по специальному творчеству Творца. Когда имеется такое сущее, необходимо имеется противоречие, а когда с необходимостью имеется противоречие, то имеется необходимое несуществование, когда же имеется несуществование, с необходимостью имеется зло. Что касается того, кто говорит, что Необходимо Сущее сотворило черноту и жар и этим сотворило противоречие, так как если А есть причина В, а В есть причина С, А является причиной С, тот скажет: «Совершенно правильно, здесь нет путаницы». Однако разговор по этому вопросу приводит к цели, состоящей в том, что Необходимо Сущее сотворило черноту, и необходимо появилось противоречие. Нет сомнения, что Необходимо Сущее сотворило противоречие в ве-

шах случайно и не по своему существу. Оно не сотворило черноту как противоположность белизне. Оно сотворило черноту не как противоположность белизне, а как возможно существующую сущность, ибо все есть возможно существующая сущность, а всякая возможно существующая сущность создана необходимо сушим потому, что само существование есть благо. Но чернота есть сущность, возможная только как противоположность другой вещи.

Всякий, кто сотворил черноту, чтобы она была возможно существующей, тем самым случайно создал противоречие, и Творца черноты зло не касается никаким образом. Следовательно, первая цель есть высшая цель, она есть вечная истинная милость и состоит в создании блага. Но этот вид блага невозможен без зла и несуществования, которые присущи ему только случайно. Здесь же речь идет не о случайности, а о сущности,— и советую всем ученым, которых я знаю, прославлять того, чье достоинство свободно от угнетения и зла. Здесь имеются подробности, которые невозможно выразить, и сообщающий не может сообщить это, так как у него нет достаточной ясности для этого. Только глубокая интуиция может достичь того вдохновения, которое удовлетворяет совершенную душу и с помощью которого она вкушает наслаждения высокого разума.

Здесь есть еще один очень тонкий вопрос с точки зрения понятия божественности. Этот вопрос таков: почему Он сотворил это, если Он знал, что следствия этого состоят в несуществовании и зле? Ответ таков: например, в черноте есть тысяча благ и одно зло. Воздержание от создания тысячи благ из-за необходимости одного зла есть большее зло, так как отношение блага черноты к его злу больше отношения миллиона к единице. Поскольку дело обстоит так, то ясно, что зло, существующее в творениях Аллаха, случайно, а не по существу, и ясно также, что зла в первой философии очень мало, его отношение к благу с точки зрения количества и качества отсутствует.

Что касается вопроса о том, какое из двух учений ближе к истине (детерминизм или противоположное ему), то с первого взгляда и при внешнем рассмотрении кажется, что ближе к истине детерминизм, но на самом деле он колеблется в бессмыслице и погружается в выдумки, так что он очень далек от истины.

Что касается речи о долговечности и долговечном, то этим с жадностью занимались некоторые глупцы, не понимавшие истины, ибо долговечность есть не что иное, как определение существования в некоторый период времени, в течение которого существование не зависит от времени; долговечность существования содержит понятие времени.

Таким образом, существование является более общим, чем долговечность, и различие между существованием и долговечностью такое же, как между общим и частным.

Далее, удивительно, что те, которые говорят это, признают, что существование и существующее имеют один и тот же смысл в вещах, не смотря на то, что они различны в душе, а когда доходят до долговечности, то заблуждаются; что же касается полемического аргумента, приводящего их к первичной нелепости, то это, когда их спрашивают: «Обладает ли здесь что-нибудь долговечностью?» Если ответят «нет», им говорят: «Здесь ничего не остается, а что же, по-вашему, творит существующее и создает продолжение, творя в каждом из последовательных мгновений. Однако ваше доказательство основывается на отвержении последовательных мгновений. Но согласимся с вашим высказыванием ради терпимости». Если же ответят, что и Творец, следовательно, не долговечен, из этого следует худший вид нелепости. Я думаю, что они отвергнут это. Если же они ответят, что имеется нечто долговечное, их спросят, является ли эта долговечность долговечной, помимо ее самой, и, таким образом, может ли долговечность сама быть долговечной или недолговечной. Если она долговечна, она долговечна вследствие другой долговечности. Получилась цепь, что нелепо. Если же эта долговечность не долговечна, то как она может быть долговечностью? (Это также нелепо.) Им остается сказать, что долговечное долговечно благодаря непрерывным последовательным долговечностям в каждом из последовательных мгновений. Тогда от них требуют объяснить эту речь, им говорят: «Что означают эти последовательные долговечности?» Если в их понятиях долговечное есть долговечное, то эти понятия требуют, чтобы долговечное оставалось в течение некоторого периода времени, чтобы можно было определить, что оно долговечно. В противном случае долговечное и долговечность не имеют никакого смысла, несмотря на наличие последовательных существований. Ясно, что существование и долговечность имеют один и тот же смысл, причем долговечность есть не что иное, как продолжение существования или наличие у существующего свойства существования в течение некоторого периода времени, так как абсолютное существование может быть и на одно мгновение, а долговечность — на период времени. Таково направление спора с ними и победа над ними.

Поистине, по-моему, это неясно только тому, от чьего разума скрывается это количество познанного. Вот что осенило меня в настоящее время. Аллах знает все это лучше.